

ЛУЧШЕЕ МОЛОДЕЖНОЕ ФЭНТЕЗИ

ЭВЕРМОР

ВРЕМЯ
ИСТИНЫ

ВРЕМЯ —
ОРУЖИЕ.
ТОЛЬКО ОНА
ВЛАДЕЕТ
ИМ.

Автор бестселлеров по версии THE NEW YORK TIMES

САРА ХОЛЛАНД

Сара Холланд
Эвермор. Время истины
Серия «Лучшее молодежное фэнтези»
Серия «Эверлесс», книга 2

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27364270
Эвермор. Время истины. Роман: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-109027-2*

Аннотация

С детства Джулс Эмбер внушали, что злой Алхимик украл доброе сердце Колдуньи, обрекши народ Семперы стать узниками времени, заточенного в их крови. Пока аристократы благоденствовали, бедняки теряли годы, по крохам наскребая кровавое железо, чтобы не умереть с голоду.

Но Джулс узнала правду: она – Алхимик, а Каро – служанка, хладнокровно убившая Королеву и Роана Герлинга, – Колдунья.

Теперь Каро не остановится ни перед чем, чтобы разбить сердце Джулс и уничтожить ее. Вынужденная бежать из Эверлесса, девушка должна воскресить в памяти все легенды, в которые она когда-либо верила и которые, оказывается, не что иное, как вехи ее опасного прошлого. Только собрав воедино все фрагменты своих предыдущих жизней, Джулс сможет спасти того, кто стал ей очень дорог, и раз и навсегда покончить с Колдуньей.

Содержание

Колдунья	6
1	10
2	28
3	38
4	53
5	64
6	79
7	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Сара Холланд

Эвермор

Время истины

Роман

Посвящается моим брату и сестрам:

*Рейчел, Бену и Ханне – жду не дождусь увидеть,
куда приведет ваш путь.*

Колдунья увидела, как серебристая тень поднимается из искаленного тела Алхимика и бросается прочь, слишком быстрая, чтобы за ней угнаться. В серебре светилось и пульсировало что-то темно-красное. Чересчур поздно Колдунья поняла, что Алхимик действительно обманул ее – он украл ее сердце.

– «Классическая история Семперы», миф об Алхимике и Колдунье

Но что если Алхимик не умер, не по-настоящему – и она нашла способ выжить?

– Из личных записей Лиамы Герлинга

Sara Holland
Evermore

* * *

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

Copyright

© 2018 by Glasstown Entertainment, LLC

© А. Сибуль, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Колдунья

Сегодня ночью я превращу кровь Алхимика – кровь Джулс Эмбер – в оружие.

Я стою в комнате, находящейся глубоко под бальными залами и балконами Береговой Гавани. Ростовщик времени склонился напротив меня и, потяя, смешивает порошки за своим столом. Он – последний в длинном списке ростовщиков, которых я наняла, чтобы выманить Алхимика из укрытия. Пока все подводили меня, поэтому теперь мертвы. Но что-то подсказывает мне, что сегодня ночью все будет по-другому.

Ощущение опасности бесплодного ожидания витает в воздухе.

Народу Семперы не хватает изобретательности, когда дело касается их драгоценного времени, их кровавого железа. Если они не пьют его как звери, то растрачивают на цветущие сады или скармливают огню, чтобы согреться зимой.

Но настоящее кровавое железо может сжечь мир.

Когда ростовщик времени выливает флакон с кровью Джулс Эмбер в свой маленький котел, в комнате вспыхивает свет – словно мы не глубоко под землей, будто внезапно наступил день. Пепел и сажа клубятся вокруг меня, пока взрыв не сбивает нас обоих с ног. Падая, думаю о мире как о коже, туго натянутой на боевой барабан из моих воспоминаний столетней давности. Кто-то только что опустил молот.

Ударяясь спиной о деревянный пол, ощущаю лишь, как от возбуждения кипит кровь. Перед закрытыми глазами встает картина: языки пламени, контуры дряхлого города с жалким названием – Крофтон.

Смеясь, с трудом поднимаюсь. Ростовщик времени все еще валяется на полу, сбитый с ног ударом, и хватается ртом воздух, как рыба.

– Так это ты, – бормочет он. Мое настоящее имя, Колдунья, замирает у него на губах.

Ничего страшного. Внутри бронзового котла подвижная, мерцающая жидкость испускает слабый свет. Она бесцветная и в то же время всех цветов сразу, на эту магию тяжело смотреть глазами простых смертных. Мужчина, умирающий у моих ног, создал ее из лучших бриллиантов Семперы и всего одного года кровавого железа, который милая Джулс Эмбер оставила в Эверлессе.

Подношу маленький котелок к губам и выпиваю время Алхимика. Лишь немного.

На остальное у меня есть планы.

Горло пронзает боль.

Тяжело дышу, хватаясь за край стола, и мое слабое тело дрожит. Жду, когда время сольется в тысячи клинков, как в ту ночь в Эверлессе, когда я наконец поняла, кто такая Джулс Эмбер на самом деле. Дожидаюсь, пока ее время вырвется из меня, словно что-то живое.

Этого не происходит. Наоборот, в меня вливается сила.

Энергия пробегает по комнате, магия – в каждой ее частичке, дикая, необузданная, словно свора бродячих собак, только и ждет, что ее освободят и выпустят в мир.

Выливаю несколько капель жидкости в непрозрачную бутылку, чтобы скрыть бриллиантовый оттенок содержимого.

Покинув комнату, передаю бутылочку парню из Эверлесса, Айвану Тенбурну. Теперь он меня боится и держит ее так, словно она его может укусить. Хорошо: мне нужно, чтобы он был аккуратен и наше зелье добралось до Крофтона в целости и сохранности.

Где оно подчинит мне Алхимика.

– Разожги для меня пожар, – шепчу я на ухо Айвану.

Жителям Семперы

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о поисках Джулс Эмбер из Крофтона,
убийцы Первой Королевы, погибшей
Спасительницы Семперы, Леди Столе-
тий, и Роана Герлинга, любимого сына
лорда Николаса Герлинга и леди Вериссы
Герлинг, преданного брата лорда
Лиама Герлинга.

Награда в пять сотен лет кровавого
железа предлагается за поимку убийцы
живой и ее доставку к солдатам
королевы Ины Года.

Мне кажется, что мои руки в крови.

Это лишь игра лунного света и движущихся теней. Но я все равно отчаянно тру ладони о влажный плащ, словно это простое действие может стереть алые пятна из моей памяти.

Я сижу в углу сарая, у своей подруги Аммы, недалеко от Крофтона, стуча зубами скорее от страха, чем от холода, а рядом, глядя на меня из своей клетки, тихо кудахчут три курицы. Весенний дождик стучит по крыше. Когда я была девочкой, в объятиях папы шум дождя казался колыбельной – он пел о новой жизни, молодой пшенице, которую скоро можно будет собрать, замесить и выпечь из нее хлеб в горячей печи. Дождь усыплял меня, такой нежный и настоящий, словно голос любимого человека.

А теперь его слабый стук становится громче с каждым порывом ветра. Шум приближающегося ужаса.

Очертания Крофтона выманили меня из лесов – ломаная линия крыш на фоне неба, которую я так часто видела рань-

ше. В голову приходит мысль, что наш коттедж всего лишь в десяти минутах ходьбы по дороге, но потом с болью вспоминаю, что он больше нам не принадлежит. Я обменяла бы всю роскошь и великолепие Эверлесса на еще один вечер у камина рядом с папой. Но даже Эверлесс теперь потерян для меня – мой первый настоящий дом, вход в который мне навеки запрещен.

Я не собиралась задерживаться, сбежав из поместья, но, заметив знакомый сарай, чернеющий посреди недавно вспаханного поля, не смогла не остановиться. Ноги двигались сами по себе. словно спрятавшись в знакомой темноте, я могла бы повернуть вспять недели и месяцы и изменить все, что случилось.

Попрощаться с Аммой, если повезет.

Сколько времени назад это было? Меня ищут солдаты, Джулс Эмбер, убийцу Королевы. Я иногда слышала, как они продираются через подлесок и неаккуратно ломают ветки, всегда предоставляя мне достаточно времени, чтобы найти укрытие в пещере или на дереве. Теперь я тут, в безопасности...

Какой-то треск на улице, довольно громкий, чтобы услышать его за шумом дождя и низкими раскатами грома.

Прижимаюсь лицом к щели в старых досках стены, волнуясь из-за того, что какой-то солдат или бродяга-кровосос мог наткнуться на мое укрытие. Честно говоря, не знаю, что хуже. Кровосос, блуждающий по лесам, скорее всего, пере-

режет мне горло, выпьет все мои годы, даже не взглянув на меня. Солдат же закует меня в цепи и потащит во дворец в тюремной телеге. Это представляется неважным. На улице вижу лишь деревья, раскачивающиеся на ветру: их ветки гнутся и напоминают размахивающие темные руки, словно указывающие на меня и шепчущие...

Убийца! Алхимик!

Я вздыхаю. На мгновение мне чудится, что вижу девушку, преследовавшую меня в кошмарах детства, выхваченную вспышкой молнии. Бледное лицо, на котором, словно маска, застыло приветливое выражение. Но нельзя не заметить белозубую ухмылку.

В детстве папа говорил, что сны не могут мне навредить, но он лгал. Две недели назад эта девушка вырвалась из моих снов и ступила в мир.

Каро. Колдунья. Мой древний враг.

Еще один вдох. Выдох. Закрываю глаза, пытаюсь успокоить прерывистое дыхание, прислушиваясь к монотонному стуку дождя по крыше. Обнимаю колени, прижав их к груди, и позволяю звуку наполнить темноту вокруг меня. Но этого недостаточно, чтобы унять тревожный трепет в груди. В лесу можно было игнорировать страх, оттолкнуть его и сосредоточиться на насущном: охоте, надежном укрытии. Добраться до Эмбергриса, портового города, где меня ждет корабль, чтобы увезти из страны, как запланировал Лиам Герлинг, – вот моя цель.

Но теперь, когда я здесь, разве можно уйти, не попрощавшись с Аммой?

Каждый день после восхода солнца она приходит сюда, чтобы собрать яйца на завтрак себе и своей сестре Алии. Она скоро найдет меня, надо только подождать, чтобы проверить, испугается ли старая подруга, обнаружив меня, побежит ли за солдатами, патрулирующими Крофтон круглосуточно в надежде поймать убийцу.

И пока вот так размышляю, дверь со скрипом открывается. Я этого ждала, но страх все равно сковывает меня и сердце подсакивает.

Силуэт Аммы виднеется на фоне двери, на плечи накинуто одеяло, а на руке висит плетеная корзина. Она хорошо выглядит, и во мне вспыхивает радость при виде ее раскрасневшихся щек. Я отдала ей кровавое железо, которое Лиам Герлинг тайно отправил мне после смерти папы, в надежде, что тяжелый мешок с монетами поможет ей устроить лучшую жизнь себе и Алии.

Подруга трет сонные глаза, заходя внутрь, а потом замечает меня и замирает.

Я собираюсь встать, но тоже не двигаюсь и гляжу на Амму, пытаюсь собрать в предложения слова, пролетающие в голове, но она заговаривает первой.

– Джулс, – выдыхает она.

– Амма, – голос дрожит, ведь я отвыкла от разговоров за неделю молчания, проведенную в лесах между Крофтоном и

поместьем Герлингов. Я прижимаю руку к стене и, опираясь на нее, неуверенно встаю на ноги, но не спешу к ней.

Сначала нужно убедиться, что она не убежит от меня с криками.

Амма открывает рот, но снова закрывает его: она в шоке. Наконец подруга шепчет:

– Пожалуйста, скажи мне, что ты этого не делала.

Ей не нужно пояснять, что она имеет в виду. Слухи о моих преступлениях разлетелись во все уголки Семперы: я соблазнила Роана Герлинга, будучи служанкой в Эверлессе, и использовала его, чтобы попасть в покои Королевы. Потом перерезала Роану горлу и пронзила сердце ее величества.

– Не делала, – говорю я. Мой голос звучит хрипло, умоляюще. – Не делала, Амма.

Амма стоит в дверях неподвижно, словно скала, сверля меня маленькими блестящими глазами. А потом делает осторожный шаг ко мне, выходя в круг света, просачивающийся, словно кровь, через дырку в крыше. Она дрожит.

– Тогда что случилось? Кто их убил?

– Ее зовут Каро, – отвечаю, и голос немного дрожит, хотя я мысленно тренировалась произносить эту речь. Сложно выговорить ее имя, словно само слово и есть камень, застрявший в моем горле. Вся Семпера считает меня убийцей. Стоя перед Аммой, беспомощная и дрожащая, понимаю, что нуждаюсь в том, чтобы кто-то мне поверил, хотя бы она.

Если подруга не увидит ту Джулс, которую она всегда зна-

ла, меня прежнюю, уверена: я рассыплюсь на осколки.

– Каро – придворная дама Королевы, – продолжаю я, стараясь сохранять голос ровным. – Она убила Королеву и Роана и обвинила в этом меня. Теперь все считают, что я преступница.

Почти произношу «все, кроме Лиама Герлинга», но останавливаюсь.

Амма моргает, потом закрывает за собой дверь. Мое сердце замирает, а ее фонарь бросает мерцающие тени на стены сарая.

– Зачем? – шепчет она с бледным лицом. – Зачем даме Королевы убивать Роана?

Внезапно мои глаза начинает яростно щипать.

– Не знаю, – лгу я, сглатывая слезы, грозящие вот-вот политься. – Говорят, ее слушается Ина Голд. Может, Каро думает, что с Иной в роли Королевы она станет могущественнее.

Мне отчаянно хочется, чтобы этого заявления – этой полуправды – было достаточно, и морщинка между бровями Аммы исчезла, а напряженные плечи расслабились. Но поза и выражение лица подруги неизменны, и я понимаю, насколько глупа такая надежда. Амма всегда могла различить вранье, с самого детства, но тогда моя ложь касалась лишь пролитых супов и сломанных кукол.

– Говорят, что ты ведьма и что только ведьма могла убить кого-то настолько сильного, как Королева Семперы, – голос

у Аммы тихий.

Желудок сводит от страха при мысли рассказать ей правду: я – древний Алхимик, злой Алхимик, перерожденный. Глубокий вздох:

– Помнишь те истории, что я рассказывала: о лисах и змеях?

Взгляд Аммы вспыхивает.

– Кажется, да.

Чтобы выиграть время, тянусь в сумку. Амма слегка вздрагивает и следит за моими движениями. Я игнорирую неприятное чувство, вызванное этим.

Медленно и осторожно достаю журнал в кожаном переплете, украденный из хранилища в Эверлессе, – книгу, которую помню с детства, наполненную историями и рисунками, на первый взгляд, просто фантазиями маленькой девочки, оставленную в библиотеке поместья, когда мы с папой сбежали оттуда. Пока папа не умер, он пытался вернуть ее в надежде сохранить знания в тайне, а меня – в безопасности от Колдуньи, моего старейшего врага. Теперь она словно греет мне руки, полнясь тайными знаниями. К тому же это связь с замком, хранящим так много моих воспоминаний в своих стенах.

Ты оказался прав, папа. Я была в опасности, грустно думаю я, протягивая журнал Амме. Он считал, что угрозой станет Королева. Но настоящая Колдунья ждала, все это время наблюдая из тени. Я подружилась с ней, еще одной служан-

кой. Открыла ей свой секрет, когда еще сама его не поняла.
Лиса и Змея. Колдунья и Алхимик.

Амма поднимает фонарь, чтобы взглянуть на журнал, и поджимает губы. Но делает аккуратный шаг вперед и открывает его одной рукой, другой поднося фонарь поближе.

– Твои истории, – бормочет она, переворачивая несколько страниц. А потом смотрит на меня. Тревога и подозрение сменяют друг друга на таком знакомом мне лице.

– Ты их записала? Что это, Джулс?

– Это не просто истории. Они – ключ. Ключ к вещам, которые я забыла. – От волнения у меня пересыхает язык. – Змея... – так я звала себя. А Лиса – это Каро.

Амма поднимает на меня глаза.

– Девушка, убившая Королеву.

– Мы были подругами очень давно, до того, как я встретила тебя. По крайней мере, я думала, что мы дружили.

– Ты хочешь сказать, когда вы с папой жили в Эверлессе? – Что-то мерцает в глазах Аммы: взгляд маленькой девочки, готовой умолять меня рассказать все, что могу вспомнить о поместье Герлингов, чтобы истории о лордах и леди унесли ее прочь.

– Вроде того, – я судорожно вздыхаю. – Амма, вернувшись в Эверлесс, я кое-что о себе узнала. Это прозвучит безумно – молю: послушай. А потом, если захочешь, я уйду. – «Но, пожалуйста, позволь мне остаться», – добавляю про себя. Так много потерь в последние недели: папа, дом, друзья, даже

Эверлесс, место, которое я и ненавижу, и люблю. Невозможно потерять еще и Амму.

В голове снова всплывает образ Лиамы Герлинга: твердая уверенность во взгляде, когда он стоит посреди поля и сообщает мне, что я Алхимик. Если бы он был рядом со мной, мог хотя бы просто подтвердить Амме, что я не сумасшедшая. Пока.

– Ты веришь в Колдунью? – спрашиваю.

– Конечно, – без колебаний отвечает Амма. Я помню деревянную статую девушки, которую она хранит на подоконнике, листья и ягоды ледяного остролиста, знак Колдунии, вырезанные над дверью. Те же узоры украшают храмы по всей Семпере. Для Аммы и остальных Колдунья – великодушная, а Алхимик – злой вор, укравший ее сердце. У Каро были столетия на создание своей истории, в то время как Алхимику – мне – приходится начинать заново с каждым перерождением, находясь в плену незнания того, что было раньше.

– Колдунья настоящая, – закрываю глаза, чтобы не видеть реакции Аммы на мои следующие слова: – Я с ней встречалась.

Амма тихо ахает.

– Как это возможно? – В ее голосе – восхищение, благоговение, глаза широко раскрыты.

– Каро... Каро – Колдунья. – Вслух слова звучат странно. – Она притворилась служанкой Королевы, чтобы быть ближе к власти и оставаться незамеченной. Она не так силь-

на, как раньше, так что ей приходится скрываться под личной прислуги.

Я дрожу, вспоминая, какие слова Каро крикнула мне, прежде чем убить Роана у меня на глазах. *Я хочу снова не зависеть от времени... Не бояться старости или смерти, не пить кровь крестьян, как проклятый оборотень.* Лиам сказал мне, что, когда я украла сердце Каро, то получила и ее бессмертие, разломив его на двенадцать частей – двенадцать жизней. Но Колдунья все еще жива. Даже без своего сердца она могущественнее всех на земле, сильнее меня, хотя я не понимаю, как и почему.

– Джулс... – Амма неуверенно смотрит на меня, склонив голову, словно это загадка из нашего детства. – Не понимаю. – Одна из куриц тихо и вопросительно кудахчет. – Откуда ты знаешь, что Каро – Колдунья? И зачем ей убивать Роана?

– Она сказала мне. – Я понимала, что вопросы возникнут, но на них все сложнее и сложнее отвечать. Чувствую, как от слез начинает щипать глаза, когда память подбрасывает воспоминание: Королева ускользает из-под контроля Каро и падает на пол, словно марионетка с подрезанными ниточками. – Она хотела сделать мне больно, пыталась разбить мне сердце.

– Зачем?

Я перехожу на тихий, умоляющий шепот.

– Она думает, что так сможет вернуть свои силы.

Румянец, еще остававшийся на лице Аммы, медленно покидает его. Взгляд подруги мечется от журнала ко мне. Похоже, кусочки головоломки начинают складываться воедино.

– Но истории...

– Истории, гласящие, что Алхимик обманул Колдунью. – Слышу в голове голос Лиама, вспоминая две истории: правду и легенду, переплетенные за столетия. – Он – большинство людей думают, что первый Алхимик был мужчиной, – предложил ей двенадцать камней, сказав, что это части сердца, которое он украл, и она их отвергла.

Амма кивает, соглашаясь со знакомой историей.

– И тогда она заставила его съесть их. – Ее глаза широко распахнуты в темноте. Она разжала кулаки и пододвинулась ко мне. На мгновение мне чудится, что мы снова дети и обмениваемся историями, сидя рядом у огня, отчаянно желая прогнать холод и мрак зимы. – Камни действительно были сердцем Колдуньи – ее жизнью, Амма, ее временем, – теперь я шепчу. – И, когда Алхимик проглотил их, они вернулись в него. Но, вместо того чтобы жить вечно, как Колдунья, он получает жизнь, разбитую на отрезки. Алхимик немного живет, потом умирает и снова перерождается. – Я запинаюсь, не помня, как прожила эту историю, хотя чувствую ее правдивость.

– Джулс, ты говоришь бессмыслицу. – Амма сдавленно смеется, и я вижу, что она пытается вернуть обычную бойкость. – Прекрати. Можешь поесть, отдохнуть и рассказать

мне, что происходит, когда будешь чувствовать себя лучше.

– Нет, Амма, послушай. – Я машинально протягиваю руку. Она вздрагивает, мое сердце сжимается, и я опускаю руку на журнал, чувствуя под ладонью успокаивающую мягкость старой кожаной обложки. Я много раз листала его, пока скиталась по лесу. Бывали моменты, в которые только он убеждал меня, что я еще не сошла с ума. – Я – Алхимик.

На глаза Аммы наворачиваются слезы и текут по щекам. Глядя на это, я тоже плачу.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – шепчет Амма.

Это первый вопрос, который я не предвидела, и мое дыхание замирает. Я опускаю журнал, прижатый к груди как щит, и он раскрывается на месте, где грубый рисунок заполняет всю страницу: Лиса кидается на защищающуюся Змею, когти, зубы и клыки.

– Ты мне веришь? – неохотно спрашиваю я дрожащим голосом.

Еще одна долгая пауза, потом Амма берет журнал в руки и открывает его.

– Я никогда не считала тебя убийцей, – тихо говорит она, ее застенчивый взгляд встречается с моим. – Знаю, что ты не любила ее, но Роана...

Его имя прорывает плотину моих слез, и они тихо текут. Амма резко вздыхает и бросается на полшага вперед, чтобы обнять меня, прежде чем отстраниться.

– Я не хотела, чтобы это произошло. Не хотела...

Мои слова резко обрываются, когда Амма преодолевает пространство между нами и обнимает меня. Кажется, я могу развалиться на части – но теперь от облегчения, первой радости, которую почувствовала словно впервые за вечность. Прижимаюсь к ней, а она крепко меня обнимает, не обращая внимания на то, что я покрыта лесной грязью. Я глубоко вдыхаю знакомый запах – запах дома.

– Ты – моя лучшая подруга, Джулс, – бормочет она. – Конечно же, я верю тебе.

От этих слов поток слез становится еще сильнее. Они наполняют глаза, бегут по щекам, прорезая многодневный слой пыли.

– Спасибо, Амма.

Наконец она отстраняется с задумчивым видом.

– Так Каро – Лиса, а ты – Змея?

Ее голос – терпеливый, но скептический, будто она обдумывает одну из невероятных историй Алии, – заставляет меня выдавить смешок.

– Кажется, так.

– Моя Джулс, Алхимик из легенды, – лицо Аммы становится все серьезнее, она осторожно кладет журнал на ящик и берет меня за руку: – Прости, но мне потребуется некоторое время, чтобы понять это.

– Я все еще и сама не понимаю.

– Даже когда из Эверлесса пришли гонцы с новостями, я не верила. – Она опускает взгляд, в ее глазах грусть. – Ну

почему она убила Роана? Чтобы разбить тебе сердце? Ведь оно изначально ее!

Я киваю, чувствуя ком в горле.

– Но это не сработало. – Хотя и чувствую себя разбитой, я по-прежнему жива, цепляюсь за жизнь. Чувствую тепло объятий Аммы. – Может, я по-настоящему его не любила. Или просто... недостаточно.

– Это не твоя вина, Джулс, – говорит она. – Возможно, твое сердце сильнее, чем ты думаешь.

Яжимаю плечами, хотя глубоко внутри знаю, что это неправда. Даже сейчас чувствую себя хрупкой, словно удар в правильное место полностью меня разрушит. Амма делает шаг назад – я чувствую боль потери, когда подруга выпускает мои руки, – и ведет меня под локоть к стогу сена, чтобы я села. Затем плюхается рядом со мной и берет на колени журнал.

– Здесь сказано... – ее взгляд находит мой, и она хмурится: – Лиса будет охотиться за Змеей вечно.

– Так всегда и было, – я пытаюсь говорить беззаботно, но внутри все дрожит. – Одиннадцать жизней, и, думаю, она убила меня во всех них.

Амма стучит по страничке пальцем.

– Что ты собираешься делать?

Я вижу, как страх сковал ее тело, но голос звучит беззаботно. Это почти утешает, словно все, что мне нужно, – это придумать хороший план, и тогда я выживу.

– Я направляюсь в Эмбергрис, портовый город, – продолжаю после небольшой паузы. – Покидаю Семперу. Вот почему мне надо было тебя найти.

Амма поджимает губы.

– Полагаю, ты знаешь, что лучше. – В ее голосе звучит сомнение.

– Ты несогласна?

– Просто... – она заламывает руки, нервная привычка, означающая, что подруга в раздумьях, – не хочу проявлять неуважение к твоему папе, но то, что он делал все эти годы, вроде не сработало.

– Я скоро вернусь, – не знаю, правда ли это, но я не в силах думать о другом варианте, – когда буду достаточно сильной, чтобы встретиться с ней лицом к лицу.

– Лови момент, Джулс, прежде чем он поймает тебя. – Амма смотрит на меня горящими глазами. Я смеюсь: это одно из ее любимых выражений, хотя у него мрачное значение. Живи сейчас на всю катушку, потому что, если ты бедняк в Семпере, завтра может не наступить. – Полагаю, мне лучше сделать все возможное, чтобы подготовить тебя к этому дню. Что тебе нужно?

Я мотаю головой, радуясь, что в глазах все еще стоят слезы. Она уже дала мне все, что нужно, и даже больше, и я чувствую, что ее вера в мои силы может вдохнуть в меня энергию пройти весь путь до Эмбергриса и корабля Лиама. Но, конечно же, это не тот случай.

– Немного еды, если у тебя есть, – говорю я, улыбаясь как помешанная. – И, может, я могла бы остаться здесь сегодня?..

– Конечно, – отвечает Амма, наклоняясь, чтобы собрать яйца. Подруга снова стала той практичной Аммой, которая заботится о сестре в одиночку. – Солдаты уже проходили этим утром, думаю, можешь оставаться здесь столько, сколько нужно.

В груди щемит от благодарности.

– Спасибо, Амма.

– Мне надо быть в мясной лавке через час, но я попробую ускользнуть после утренней давки на рынке. Вернусь с едой, как только смогу. Может, заодно принесу немного мыла и теплой воды. – Она ухмыляется мне. – Ты похожа на лесных фейри: вместо одежды – грязь.

Звук собственного смеха заставляет меня вздрогнуть.

– Значит, я постараюсь как следует вымыться.

Амма поворачивается, чтобы в последний раз посмотреть на меня, прежде чем выйти из сарая. Теперь, начав улыбаться, она как будто не может остановиться, края ее губ все время поднимаются.

– Вернусь раньше, чем ты заскучаешь.

* * *

Несмотря на тесноту в сарае и компанию кур, я сплю весь

день напролет впервые с тех пор, как покинула Эверлесс. Присутствие Аммы придало мне духу, а разговор с ней успокоил. Меня не мучают кошмары о Колдунье, преследующей меня или преследуемой мной. Вместо этого мои сны наполнены приятными воспоминаниями о Крофтоне: летних играх с Аммой в полях, полных пыльцы, и посиделках за кухонным столом с папой (на его лице гордая улыбка, которую он не пытается скрыть от меня). Во сне мы счастливы и довольны, нам тепло, наш маленький коттедж благоухает копченой олениной, которую я принесла с охоты, и она теперь готовится на огне.

Но что-то не так. Где-то за стенами нашего коттеджа крики, вопли. Папа напрягается, улыбка исчезает с его бледного лица. Запах дыма очень сильный. В нем есть что-то странное, едкое.

Когда я просыпаюсь в маленьком темном сарае, запах не исчезает.

Я сажусь и осматриваюсь, словно пребывая в забытьи. Куры кудахчут в панике. Дальняя сторона сарая озарена мерцающим оранжевым светом, горящие языки которого тянутся через щели в досках. Я поднимаюсь и хватаю сумку как раз в тот момент, когда пламя проникает внутрь и поджигает сено, разбросанное по полу.

На мгновение я вновь семилетняя девочка, словно вросшая в пол, пока кузница Эверлесса горит вокруг меня.

Но в этот раз здесь нет папы, чтобы защитить меня, унести

прочь. Только я.

Не оставив себе времени на размышления, я хватаю сумку, разворачиваюсь и бью ногой в стену позади себя: раз, два, три – пока гнилое дерево не поддается, затем распахиваю клетки, чтобы куры могли спастись.

Но все переживания из-за потери кур или сожженного сарая исчезают, как только я поворачиваюсь, следуя взглядом за огненной рекой, затекшей в мое укрытие.

Потому что Крофтон объят пламенем.

Меня охватывает паника. Повсюду дым.

Вдалеке над тупыми краями крыши Крофтона расцветает огонь. Я бегу через поля к дымящемуся сердцу города, не обращая внимания на то, что спотыкаюсь о камни и бугорки свежевспаханной земли. Мне нужно найти Амму. В голове возникает картинка приземистой лавки мясника, где она снимает мясо с костей, рыночный прилавок, где они с Алией проводят дни.

* * *

Легкие вот-вот лопнут, ноги уже болят, но я толкаю себя вперед, перепрыгивая через разрушенную стену, отделяющую сам Крофтон от прилегающих ферм. Добираюсь до главной дороги, а потом несусь к группке зданий, едва замечая толпы людей, текущие в противоположном направлении. Меня могут узнать, но это сейчас неважно. Оранжевый свет

мерцает на боках бледных домов, яркий, как направленная к земле молния. Густой дым закрывает небо.

«Колдунья, помоги мне найти Амму», – в отчаянии думаю я. Но Колдунья больше не благословение, а смертельное проклятие.

Вскоре мне приходится притормозить, жар обжигает лицо, глаза. Вокруг дымятся деревянные здания. Находящаяся внизу по дороге школа стала грудой головешек. Дымящиеся обломки загромождали улицы – остатки мебели и рыночных прилавков. То тут, то там мне приходится перепрыгивать через горящие обломки. Дорога узкая, пламя близко, и я уже успела подпалить волосы. В нос бьет странный запах – резко поднимаю голову и вижу, что всего в нескольких шагах от меня горит лавка ростовщика времени. Клянусь, я слышу, как, плавясь, булькает кровавое железо.

В голове всплывает воспоминание: вечеринка в саду Эверлесса, целую жизнь назад. Огонь в центре, в бронзовой подставке, подпитываемый кровавым железом, часами, днями и годами, не гаснет даже зимой. Меня охватывает паника.

Как долго будет гореть это пламя?

– Помогите! – кричу я, хотя не вижу никого, кто мог бы меня услышать. – Амма!

Ни одного голоса в ответ на мой крик, но огонь внезапно дергается, словно по улицам пронесся ветерок, и искорки падают мне на рукав. Я дергаю рукой...

И замираю. В пламени есть что-то странное, страннее, чем

если бы оно просто подпитывалось кровавым железом. Его языки, извивающиеся, желтые и красные, сжимаются и растут с ритмом, ровным, как дыхание.

Треск за спиной вырывает меня из размышлений, и я разворачиваюсь. Из дома в нескольких ярдах впереди только что выскочил мужчина. Искры летят из двери позади него.

Он несется ко мне, пламя преследует его, выливаясь из здания. Оно не распространяется так, как обычный огонь, но течет по следам человека, словно что-то живое, лижет его пятки, двигаясь по улице маленькими дикими прыжками. Когда мужчина приближается с пламенем позади, я вспоминаю стаю койотов, которую однажды видела во время охоты в лесу – полдюжины зверей преследовали раненого оленя, с лаем, в котором слышалась радость, постепенно замыкая кольцо вокруг бедного животного.

– Что ты делаешь? Беги! – мужчина хватается за руку, проносясь мимо, тянет к дороге, в сторону фермы Аммы. Пламя будто отшатывается от него, когда я оказываюсь рядом с ним. Но времени на обдумывание, что все это значит, у меня нет.

– Что случилось? – спрашиваю я на бегу хриплым от дыма и ужаса голосом.

– Тенбурн... – кричит мужчина, но его слова прерывает кашель.

Другой рукой он прижимает что-то к груди: маленькую медную статуэтку Колдуньи, которая должна приносить уда-

чу. Мужчина продолжает:

– Что-то неестественное. Огонь не затухает. Жена побегала на ферму Ридисов, ручей... – Он сжимает статуэтку в руке – молчаливая просьба о помощи.

Неестественное, думаю я, а потом вспоминаю Каро. Это ее рук дело. Несомненно.

Статуя Колдуньи в руке мужчины не обожжена, она идеальна. Смеется надо мной.

Я упираюсь ногами в землю и стараюсь вырвать руку из его хватки.

– Отпустите меня, пожалуйста, мне нужно вернуться. Моя подруга...

– Ларис! – Женщина бежит по дороге к нам. Даже с пятнами сажи на щеках я узнаю ее: Сюзана, местный кузнец, которая часто посещала наш коттедж, когда нуждалась в советах отца о кузнечном деле. Сначала ее полные страха глаза сосредоточены на Ларисе, потом взгляд падает на меня, и я вижу, как на ее лице застывает ужас. Она останавливается и пялится на меня, словно я сама создана из пламени.

– Змея, – выплевывает она. Выражения ее лица сложно не понять: ненависть. Мужчина, Ларис, отпускает мой локоть и отпрыгивает назад, обхватив себя руками, как будто защищаясь. Словно я могу броситься и укусить его, если появится шанс.

Прежде чем успеваю подумать, женщина оказывается передо мной, сжимая мое запястье словно тисками.

– Мой брат умер из-за тебя. Дом обвалился на него. Ты это на нас накликала, – она шипит, дрожа то ли от страха, то ли от ярости, бросая по сторонам быстрые взгляды. Ищет, кому еще сказать. – Убийца.

А потом толкает меня назад, в чрево пламени.

Я размахиваю руками, но ухватиться не за что. Споткнувшись о какие-то обломки, я падаю в огонь. Ослепляющая, всепоглощающая боль – и вот ее нет.

Когда красный туман перед глазами исчезает, вижу, что пламя отошло и снова сформировалось кольцом вокруг меня. Чувствую его жар, но угли подо мной холодные. Ларис и Сюзана стоят на улице, глядя на меня с открытыми ртами.

– Помогите! – внезапно кричит Сюзана. – Солдаты!

– Нет, пожалуйста, – начинаю я, но слова замирают в горле. Перед глазами пелена слез, и сейчас мне кажется, что я в одном из своих снов, представляю, как люди, с которыми я выросла, видят меня и кричат:

«Змея, ведьма, лгунья, как смеешь ты показать свое лицо здесь?!»

«Вы знаете меня, – хочется крикнуть мне. – Я просто Джулс Эмбер. Дочь Пера. Это мой дом».

Но это больше не обо мне. Истории Каро распространились по Семпере как облако яда. Я демон в обличье девушки, убившей Королеву и Роана Герлинга, враг Колдуньи, самой короны Семперы. Я не понимаю, что здесь устроила Каро, но знаю, что сделано это для меня.

Она убьет всех в стране, если это нужно, чтобы сломать меня.

Амма. Вместе с мыслью о ней в сердце словно врывается огонь.

Я упираюсь руками в землю и поднимаюсь, а Ларис и Сюзана чертыхаются и, повернувшись, несутся прочь, как от самого страшного кошмара. Но мне уже все равно. Как и в тот момент, когда я увидела, как Роан упал в очаг папы еще ребенком, не раздумывая. Просто не могу думать. Что-то взяло надо мной контроль, наполнив легкие воздухом, заставив ноги и руки двигаться.

Я поворачиваюсь и бросаюсь в пламя, пробираясь дальше сквозь горящий Крофтон.

Дым заполняет легкие как песок, жжет глаза, и становится сложно хоть что-то рассмотреть. Но огонь расступается и течет у моих ног, как речная вода – огибая камень. Он не касается меня, пока я несусь в центр города, к знакомому узкому проходу, ведущему к мясной лавке. Возможно, она уже покинула Крофтон и сейчас в безопасности, за городом, наблюдает, как он рушится, переживая за меня.

Треск и хруст горящего дерева наполняют воздух вокруг меня. Бельевая веревка горит, рубашки и одеяла на ней превратились в пылающие флаги и падают к моим ногам словно осенние листья. Кашляя и выкрикивая имя Аммы, я поворачиваю на улицу, где она проводит так много своих дней.

И замираю.

Большая часть зданий здесь уже стала золой. Должно быть, именно отсюда начался пожар. И улица – лавка Аммы – дымящиеся руины, возвышающиеся над моей головой. Помещение просматривается насквозь, хранилища открыты, головешки слабо мерцают угольками.

Струйка дыма, похожая на стройную фигуру девушки, поднимается в небо. Мой обезумевший разум наделяет дым чертами человека: красивое лицо со зловещей улыбкой.

Слышу ее голос в своей голове:

«Я разобью тебе сердце, Джулс».

Замираю, не в силах двигаться, думать, дышать. Каро не могла знать, что Амма – моя подруга. Или могла?

Прилив адреналина наполняет тело, и я бегу вперед – через жар и густой дым, наполняющий все, разрастающийся с порывами ветра, обжигающий горло и кожу, кусающий нос и глаза. Пробираюсь через то, что когда-то было мясной лавкой: поломанные деревянные балки и расколотые столы, обуглившиеся остатки подсобного помещения, где я часами работала, обмениваясь слухами и историями с Аммой. Занавеска, съеденная пламенем, половина разбитого чайника, его керамическая поверхность обожжена. Никаких следов людей. Возможно, Амма сумела спастись.

Вдруг с ужасающим треском с потолка падает балка. В пробитой ею дыре в стене вижу то, что заставляет мое сердце остановиться.

Амма сидит, привалившись к рухнувшему бревну, ее

остекленевшие глаза широко открыты.

– Амма, – выдыхаю я.

И бегу к ней, падаю на колени, нежно беру за плечи. Ее грудь неподвижна. На коже нет следов ожогов, а бок перепачкан кровью. Мой взгляд выхватывает темно-фиолетовую полосу, виднеющуюся на грязном красно-черном платье. Определенно это краска из мавы, оставленная оружием королевского солдата, и...

Из ее спины торчит рукоять кинжала. Хотя полированное серебро в крови, я мгновенно узнаю его: он принадлежит Айвану Тенбурну, командиру стражи Эверлесса.

Каро уже начала выполнять свое обещание.

Гнев растет во мне, а вместе с ним – и сила. Я скидываю руки, хватая нити времени, умоляя его не только остановиться, но и повернуть вспять, как в тот день, когда в детстве я спасла Роана Герлинга. В голове крутится лишь одна мысль: помочь Амме.

Вокруг меня дым медленно начинает двигаться внутрь и исчезает в земле. Серое облако бурлит, кружа совсем не от ветра. Кажется, что вдалеке вижу, как мерцают и умирают языки пламени. Лужа крови словно уменьшается, втекая обратно в тело Аммы.

Внезапно мною овладевает тошнотворное ощущение неестественности происходящего, отчего колени слабеют. Тело дрожит: так быстро силы покидают его – и, не успев понять, что происходит, я падаю на пол, сотрясаясь от всхли-

пов, и черные от золы слезы текут по лицу.

Остается только кричать: от горя, досады, ярости.

Разрушенные стены мясной лавки обваливаются, погребая половину тела Аммы под обломками. Моему взгляду открывается переулок, в котором стоит дюжина мужчин в королевской фиолетовой униформе. Их лица закрывают маски из ткани.

– Схватить ее! – кричит один из них.

Все силы меня покинули. Я едва замечаю, как что-то серебряное мерцает возле моей руки: мясницкий нож блестит рядом с разжавшимся кулаком Аммы. Я хватаю его и успеваю спрятать в рукаве, прежде чем подходят солдаты в масках.

Они вытаскивают меня из Крофтона. Алхимик из легенды, опустошенный горем. Носки ботинок волочатся по земле и оставляют следы в грязном мусоре. Вокруг все плывет, словно я во сне, и слова солдат доносятся как будто из-за стекла. Единственное, что я точно понимаю: меня везут во дворец Береговой Гавани, к Каро.

Слабый голос в голове шепчет:

«Сражайся с ними».

Если бы я постаралась овладеть магией в моих венах, призвать Алхимика, то могла бы остановить время на достаточный срок, чтобы ускользнуть из их хватки и сбежать.

Но я бездействую, хотя по тому, как обернута цепями: трижды вокруг рук и талии, словно во мне сила десяти муж-

чин, — понимаю, что солдаты меня боятся и не обыскивают, так что нож все еще при мне. Их страх успокаивает мой разум, даже когда они бросают меня в карету с металлическими стенами и закрывают. Посмертная маска Аммы навсегда останется в моей памяти.

Каро убила ее, даже если не сама держала кинжал. Она сровняла Крофтон с землей, превратила мой дом в гору пепла.

Теперь мой черед войти в ее жилище.

«Лови момент», — шепчет Амма мне на ухо.

Я не стану сражаться. Еще не время. Подожду, пока солдаты привезут меня в Береговую Гавань.

В двери кареты есть маленькое прямоугольное отверстие, разделенное ржавыми железными прутьями. Следующие несколько дней оно становится моим окном в мир. Солдаты везут меня через Семперу – избегая городов, держась лесов и долин. Я представляю толпу, готовую броситься на тюремную карету, перевозящую убийцу Королевы.

Конвоиры просовывают еду и воду через отверстие, но у меня нет аппетита. Во мне нет ничего, кроме злости и тихого, постоянного страха. Еще с каждым днем нарастает чувство, будто Алхимик внутри меня по мере нашего продвижения на восток набирается сил и все больше хочет оказаться во дворце на берегу.

После двух рассветов, в туманной солнечной дымке я замечаю, как изменился окружающий ландшафт: леса и долины уступили место низким песчаным холмам, по которым тут и там растут кусты. Дороги стали шире и ровнее. На перекрестках встречается больше крытых телег с яблоками или

испуганной скотиной, следующих в том же направлении, что и мы. Даже воздух здесь другой: пропитан запахом соли, тяжелым и бурлящим какой-то непонятной силой.

Мы близки к Береговой Гавани, к Колдунье.

Мысли о моих вещах, – особенно журнале в кожаном переплете, – подпрыгивающих в солдатской сумке, нервируют меня. Хотя солдаты стараются говорить тихо, иногда я слышу их разговоры через металлические стены кареты.

– Мне это не нравится, – звучит женский голос. – Привезти девчонку в Береговую Гавань во время коронации. Дворец будет кишеть глупыми аристократами, желающими взглянуть на нее...

– Мы почти приехали, – вставляет мужской. – Еще один день – и она станет проблемой Королевы, мы сбудем ее с рук. – Он мрачно смеется. – Мне нужно кровавое железо. Моя жена на днях должна родить маленького.

Я прислушиваюсь до тех пор, пока их слова не теряют для меня всякий смысл. Часы тянутся. Когда компания останавливается, чтобы выпустить меня по нужде, полдюжины женщин-солдат с клинками и ружьями наготове следуют за мной по пятам. Их большие глаза и дрожащие руки доставляют мне слабое, извращенное удовольствие.

Все они правы, что боятся меня, даже если не по тем причинам, по которым думаю.

Неприятное ощущение расцветает во мне от этой мысли. С каких это пор я наслаждаюсь страхами других?

На третью ночь после пожара в Крофтоне, после смерти Аммы, когда безлунная тьма перетекает в рассвет и начинает казаться, что я вот-вот взорвусь от ярости, кипящей в моих венах, слышу его: звук волн, разбивающихся об утесы. Подтягиваюсь к окну, игнорируя иголки, пронзившие мои ноги, и выглядываю, как раз когда карета катится по узкому деревянному мосту, связывающему два наклонных утеса.

В сотне футов вниз раскинулся прекрасный бесконечный океан: черный и спокойный – вдали, белый и пенистый – возле берега. Из-за него у меня перехватывает дыхание – я всегда чувствовала, что вокруг Семперы стена, отделяющая нас от других стран, о которых я читала лишь в книгах.

Судя по карте Лиама и утесам, разрезающим бурные воды, я знаю, что это бухта, а не сам океан. Я не могу не глядеть – сначала на воду, потом на силуэт, виднеющийся в конце дороги. Береговая Гавань, дворец Семперы, возвышается над утесами, затмевая блеском Луну.

Замок из бледного камня струится светом. Никогда раньше мне не доводилось видеть дворец. Но, когда мой взгляд скользит по сотням светящихся окон, подсвеченных канделябрами, я понимаю, что это не совсем так. Я узнаю его. Внезапно на поверхность всплывают виденные ранее картинки, словно неожиданно знакомый запах погружает меня в детские воспоминания. Я уже бывала здесь, в Береговой Гавани, в образе Алхимика.

Картинки, звуки, чувства проносятся в голове: Каро пой-

мала меня, держала узницей в замковых подземельях. Тогда, как и сейчас, она пыталась меня сломать. Помню лезвия, огонь, боль. Я натягиваю воротник на лицо, чтобы солдаты не слышали полувздых-полувсхлип, который я не могу подавить.

Запах дыма из Крофтона все еще цепляется за мою одежду, даже после всех дней в пути. Он удерживает меня в этом моменте, напоминает, что я должна сделать. Амма мертва, Роан мертв, папа мертв, но все еще есть живые люди, которых Каро может убить, чтобы добраться до меня.

– Она – проблема Королевы, – говорит солдат. Перед глазами появляется лицо Ины, такой, какой я видела ее в последний раз: улыбающейся и счастливой, – прежде чем я узнала правду о Каро и Королеве. И о нас: что мы вместе родились у женщины по имени Наоми в городе под названием Брайарсмур, посреди огня и криков. Узнала, что она – моя двойняшка, как раз тогда, когда все распалось на кусочки. Моя сестра, должно быть, теперь считает меня убийцей.

Только вот поверит ли она так, как это сделала Амма?

Могли бы мы вместе уничтожить Каро, низвергнуть ее невидимое правление?

Когда мы приближаемся, перед глазами появляется главная дорога, запруженная каретами, ползущими как блестящие черные жучки. Процессия подсвечивается масляными лампами, висящими на высоких столбах вдоль дороги. Должно быть, это дворяне Семперы, прибывающие на коро-

нацию Ины. Лиам тоже где-то среди них?

Мгновение я представляю его лицо: темные как полночь глаза, приоткрытые губы, когда он выдыхает «Алхимик».

Имя заставляет меня вздрогнуть. Потому что даже в моих грезах он произносит именно его, а не «Джулс». Если бы никто из нас так и не узнал правду и я была просто еще одной фермерской дочерью из Крофтона, узнал бы он вообще мое имя?

Я отталкиваю эту мысль. Неважно. Не может быть важно сейчас, когда Каро охотится за всеми, кто мне дорог. Вместо этого я представляю Ину: умные глаза на бледном веснушчатом лице, обрамленном подстриженными темными волосами, знакомом мне еще до того, как я поняла, почему. Это ее мне нужно найти, если смогу спастись от стражи.

Вместо того чтобы присоединиться к блестящему параду карет, втекающих через главные ворота, наша резко поворачивает на одну из более узких дорог, расходящихся от главной, словно спицы на колесе. Я стою у зарешеченного окна, обхватив пальцами холодные прутья.

Сторона дворца, выходящая на сушу, окружена сплошной стеной цвета жемчуга – обманчиво низкой, но гладкой и однородной, словно металл. Сверху через стекло вижу золотой свет, цветочные балконы подсвечены цепочками фонарей. Внизу огромные волны разбиваются об основание утесов, их брызги почти достигают самых нижних окон, усеявших боковые стены дворца. Океанская вода оставляет камень влаж-

НЫМ.

Я повторяю, что мне нужно, чтобы оставаться спокойной, когда за каретой вырастает дворец. Так или иначе, узница или свободная, я должна найти Ину, остановить Каро.

Я касаюсь ножа, все еще спрятанного в рукаве, словно могу почерпнуть из него силы.

Маленькие темные фигуры стражников ходят вдоль верушки стены, в основном глядя на главные ворота. Даже за шумом волн слышу смех и веселый хор звучных, мелодичных голосов. Слева гладкие стены дворца уходят вниз вместе с землей, так что между дворцом и океаном нет ничего, кроме отвесного обрыва высотой по меньшей мере тридцать-сорок шагов. Внизу огромные острые валуны предательски торчат из волн, словно серые зубы морского монстра, зияющая пасть, готовая поглотить дворец целиком.

Страх охватывает меня, когда мы проезжаем через узкие ворота в северной стене. Они со стоном закрываются за нами, заглушая шум волн. Наступает тишина, нарушаемая лишь звучанием далекой музыки и шелестом ветра в деревьях.

Я думаю о сожженной мясной лавке Аммы, одиноком силуэте ее тела. Злость и горе охватывают меня, выталкивая страх, пока мы въезжаем в освещенный луной сад.

Открываются двери, проливая на меня лунный свет, такой же густой, как кровь. Руки в кожаных перчатках тянутся внутрь. Я вылезаю, прежде чем солдаты успевают схва-

тить меня, подавляю всхлип, когда ноги сводит и охватывает дрожь. Я падаю на холодную траву. За встревоженными стражниками, окружающими меня, – сад с зарослями цветов и стройными деревьями. Я смотрю вверх, оглядывая блестящие ряды окон, надеясь увидеть хоть намек на то, где может находиться Ина.

«Здравствуй, Джулс», – говорит кто-то, и я леденею.

Крик замирает в моем горле.

Каро стоит чуть дальше в саду, неподвижная, словно статуя. Ее лицо в тени, но я узнаю ее где угодно по тому, как она держится и как ее темные волосы развеваются на ветру. Мне хочется отойти назад, но мое тело словно замерзло, воздух в моих легких обратился в лед.

Она машет рукой, и солдаты выходят из ворот, через которые мы въехали, так же быстро и тихо, как мыши, пытающиеся избежать поимки. Один перед уходом передает ей мою сумку. Она открывает ее и достает журнал, небрежно взглянув на обложку, прежде чем кинуть его в траву. Во мне расцветает злость, но я остаюсь неподвижна. Папа умер ради этого журнала.

– Джулс, – говорит она, ее тихие слова повисают между нами, окутывая меня, словно она шепчет мне на ухо, – рада тебя видеть. – Она делает шаг вперед, останавливаясь в нескольких футах от меня, и достает из-за пояса длинный кинжал. По коже пробегает дрожь, я приготовилась к атаке.

Но Каро не наносит удара. Хуже – она лениво и показушно

улыбается, и это движение будто растягивает секунды в минуты, как дворянин пьет кровавое железо из горячей кружки.

Она протягивает мне нож рукояткой вперед, ее пальцы нежно касаются лезвия.

Лунный свет падает ей на лицо, такое знакомое из моих немногочисленных дней в Эверлессе – и где-то в глубинах разума, из столетий выгравированных воспоминаний. Она улыбается, словно мы школьные друзья, воссоединившиеся после нескольких дней разлуки. Ее зубы светятся во тьме.

Я поднимаюсь на ноги так уверенно, как могу, и достаю нож Аммы из рукава, вместо того чтобы взять предложенный ею. Она пожимает плечами и поворачивает его в руке, пальцы легко смыкаются на рукоятке.

Она меня не боится.

Но я все равноставляю нож между нами, надеясь, что Каро не видит, как дрожит моя рука, сжимающая его. Не клинка стоит бояться Каро. Я обращаюсь ко времени в моей крови, желая, чтобы оно ответило, и потом ахаю от боли, когда оно вырывается из меня – большее количество временной магии, чем я когда-либо использовала раньше, заставляя дрожать землю под моими ногами.

И все же ничто не замирает. Воздух в саду словно сотрясается, но время не останавливается. Кровь дрожит в моих венах. Что-то меня удерживает, мешая мне задержать или хотя бы замедлить момент.

Каро не реагирует никак, кроме как вздохом:

– О Джулс.

– Как ты это делаешь? – яростно вырывается у меня.

Ее смех возносится, словно колокольчики в ночи, смешиваясь с едва слышной мелодией из недр дворца, окружающей нас, постоянной, как дождь. Каро делает еще один шаг ко мне и оказывается достаточно близко, чтобы я могла протянуть руку и дотронуться до нее.

– Ты оставила несколько годовых монет в Эверлессе. Не стоит так беспечно поступать со своей кровью.

Меня внезапно охватывает дрожь. Я совсем забыла, что оставила монеты в ту ужасную ночь, когда она сострепала обвинения в воровстве из хранилища Герлингов и вынудила меня продать время ради нее. Когда я попыталась скормить ей свое кровавое железо, она не смогла его проглотить. Вот как она наконец поняла, что я, а не Ина, Алхимик.

Каро как будто читает воспоминание на моем лице.

– Я нашла способ заглотнуть его, что имело интересный эффект, должна сказать, – говорит она, и на ее лице появляется улыбка. – Ты проглотила мое сердце, Джулс. И уж точно не пожалеешь для меня немного своей...

– Хватит, – рычу я. Рукоятка ножа твердая, холодная и грубая под моими побелевшими пальцами: напоминание о том, что я забыла, почему я здесь. В одно мгновение оставляю попытку подчинить время и бросаюсь на Каро с ножом, широко замахнувшись.

Но сразу же жалею об этом, когда та уворачивается, и ее собственный нож проносится в воздухе. Не грубый и обоженный, как нож Аммы, а украшенный драгоценными камнями, сверкающий и ужасно острый.

— Я думала, ты уже закончила попытки сражаться со мной, Джулс, потерпев неудачу во всех жизнях. Почему ты думаешь, что теперь тебе повезет?

«Потому что Амма сказала мне, что я сильная», — отчаянно думаю я — но правда слов Каро режет меня, заставляя почувствовать себя невозможно маленькой рядом с возвышающимися башнями Береговой Гавани. От Каро волнами исходит сила. Я стараюсь не выказывать страха:

— Я украла твое сердце, разве не так?

Мне приятно, что она сжимает в ярости челюсти.

— Даже лишившись его, я легко тебя побеждаю, — рычит она. — И когда я тебя сломаю, заберу то, что от него осталось, хотя ты потратила его на... — Она делает паузу, подняв взгляд на темно-синее небо, словно вспоминая одиннадцать жалких жизней. — Я не стану убивать тебя сейчас, Джулс. Но ты не должна вести себя так смело со мной, учитывая, что у тебя осталась всего одна жизнь. — Она фыркает. — Вместо этого я опустошу тебя и сделаю своей марионеткой, как поступила с бедной погибшей Королевой. Вся Семпера увидит, что я могу делать со временем, пока окончательно не разобью твое сердце. Тогда я избавлюсь от Ины, и Семпера увидит, что может сделать Королева, достойная своего трона. Что я могу

привязать к их крови, Алхимик?

От этих слов холод бежит по спине. Привязать что-то другое к крови? Что она имеет в виду? Что еще можно забрать из наших вен? Страх делает меня медленной. Когда Каро яростно бросается на меня, я едва уворачиваюсь от ее клинка.

– Но я надеялась, что сначала мы немного поговорим, – беззаботно говорит она. – Я по тебе скучала. И нам не стоит беспокоить гостей коронации.

– Ты убила мою подругу, – шиплю я, и во мне поднимается прилив ярости, выталкивающей слова. – Ты сожгла мой дом.

– Мне же нужно было привезти тебя сюда? Я не могла позволить тебе и дальше прятаться в тени. – Каро фыркает, но в ее глазах блестит что-то, похожее на боль. А потом боль сменяется блаженной улыбкой, освещающей ее лицо. – Ты была там? Ты это видела?

– Видела, – резко отвечаю я и снова делаю выпад ножом. Пытаюсь вспомнить уроки фехтования, преподанные мне Роаном в детстве, но это лишь вызывает волну ярости. Каро уворачивается от моего взмаха, не отрывая от меня взгляда.

– Вместе мы можем творить волшебные вещи, если соединим свои силы, Джулс.

Ее слова горят внутри меня. Я пытаюсь их игнорировать, оттолкнуть, потому что какая разница, что случилось пять столетий назад, если теперь я стою перед ней и в наших руках ножи?

– Амма не сделала ничего плохого, – шиплю я. – Тебе не стоило вмешивать ее и всех в Крофтоне.

– Они не имеют значения, – ее голос безумен и снова радостен. – Они муравьи рядом с нами, Джулс. Все они.

Смесь ярости и ужаса заставляет ответ застрять в горле. Я снова бросаюсь на Каро, высоко подняв нож.

Она уворачивается от меня. Ее собственный нож – вспышка серебра в воздухе.

– Я знаю тебя лучше чем кто-либо, – она почти поет. – Ты такая же импульсивная, как всегда.

Произнося эти слова, она уворачивается от моих ударов, ее движения быстрые, грациозные и эффективные. Она вроде не пытается ранить меня, но я понимаю, что мы ближе, чем раньше. Каро подманивает меня к себе – как она и заманила меня сюда, горько думаю я. Буря досады кристаллизуется в мгновение, и я бросаюсь вперед со вздохом – и падаю на колени, когда Каро ускользает с моего пути.

– Ина зовет его каждую ночь в слезах, – шепчет она, злоба звучит в ее голосе. – Он не стоит и дневного железа, и все же она плачет из-за этого неверного парня Герлинга.

Воспоминания о крови Роана, распластанном теле Аммы, папиной смерти ранят меня – внезапный хор призраков в моей голове. Секунду горе кажется невыносимым, словно оно вот-вот прорвется через мою кожу. Я прыгаю вперед, с губ срывается бессловесный рык...

И погружаю нож Каро в бок.

Она не кричит, но ахает, словно я ударила ее. Кровь льется из раны. Триумф, шок и отвращение проносятся сквозь меня. Я отпускаю нож и отхожу, учащенно дыша. Мир расплывается вокруг меня, но одно остается в фокусе: грубая рукоять ножа Аммы, торчащая из кружевной ткани платья Каро.

Каро все еще сжимает свой нож, но рука падает набок, бесполезная и обмякшая. Здесь слишком темно, чтобы увидеть многое – но кровь блестит как масло в лунном свете, окрашивая лезвие. Я не могу оторвать от него глаз.

– Джулс, – шепчет Каро, касаясь раны рукой. Ее улыбка исчезла, голос тихий, уязвимый и заставляет сердце в груди сжаться от боли.

А потом Колдунья падает на колени с мягким, жалким стуком.

Я извиваюсь, инстинкт говорит мне пойти к ней, помочь, но я креплюсь. Нет, нет, нет. Умная служанка, с которой я подружилась в Эверлессе, была лишь изобретением, маской. Каро – Колдунья. Она убила Роана Герлинга. Убила Амму. Уничтожила Крофтон. Этого не изменят ее отрывистое дыхание, кровь, текущая по пальцам, и болезненный изгиб губ.

Внезапно что-то в ее лице слегка меняется при свете луны. Я подхожу ближе. По ее подбородку, щекам, лбу ползут линии. Глаза погружаются в глазницы, окутываются лиловыми тенями, кожа становится бледнее, чем обычно, приобретая цвет пергамента, даже кости.

Застыв от ужаса, я наблюдаю, как струящаяся вниз дорожка окрашивает ее черную косу в серебряный цвет. Она издаёт протяжный стон и обхватывает себя руками.

Что-то заставляет меня в два быстрых шага сократить расстояние между нами. Сама не понимая, почему, я опускаю руку и прижимаю к ее груди, над сердцем.

Или там, где должно быть ее сердце. Потому что в этом, по крайней мере, истории правдивы.

Ее кожа обжигает через ткань платья, словно внутри нее погребен кусок льда, посылающий вместо биения волны холода, которые мгновенно начинают замораживать мою ладонь. Он проходит сквозь меня, в кончики моих пальцев, которые соприкасаются с кожей на груди Каро, дрожь поднимается по руке, и я клянусь, что чувствую, как ледяная хватка касается моих ребер и медленно окружает сердце, словно смерть. Я ахаю, а потом выдыхаю морозное облако. Оно висит в воздухе между нами, тонкое, как вуаль.

Хотя я и слышала историю о сердце Колдуньи несчетное количество раз, теперь я это чувствую. На своей коже. В моих костях. В груди. Я несу сердце Колдуньи.

Мгновение мой пульс толкает меня ближе к ней, словно сердце, заключенное за моими ребрами, стремится оказаться на своем месте.

– Я это помню, – слабо говорит она, скорее самой себе, чем мне. Ее рука, шершавая как кость, смыкается на моей.

Я в ужасе смотрю на ее лицо. Оно все еще меняется на мо-

их глазах: нежные линии появляются в уголках ее глаз и рта – тонкие на фоне глубоких морщин, вырезанных на ее лбу, которые становятся все глубже и глубже с каждой минутой.

А потом...

Я закрываю глаза и слышу, как мир вокруг меня меняется. Вижу свет даже сквозь прикрытые веки.

И запах: мокрый кедр, дым благовоний, привкус крови.

Еще даже не открыв глаза, я понимаю, что больше не нахожусь на территории дворца. Я где-то... где-то в другом месте.

Пол под моими ногами влажный, твердый. Луну тоже поглотило, и ее заменила слабая свеча. Каро в моих руках, ее рот открыт в крике. Этот звук невыносим.

Только вот это крик не Каро – а мой. Свеча, стены вокруг меня, фигура Каро – все замерло во времени. Я замечаю ее грязно-голубое платье, которое вспорол мой нож.

А потом голова снова кружится. Еще один вздох – и я опять оказываюсь во дворе Береговой Гавани.

Каро на моих руках, ее глаза закрыты. Но кровь, пролившаяся на ткань ее платья, возвращается назад в рану, седина покидает черные волосы.

Она шевелится, открывает глаза и смотрит на меня. Живая и сердитая.

Я отталкиваю ожившую Каро и встаю. Все вокруг расплывается. Она смотрит на меня блестящими, беспокойными глазами и становится на колени. Тошнота подступает к горлу. Ловким движением Каро хватается за рукоять ножа и вытаскивает его из бока, а потом бросает на траву.

От вида крови на лезвии у меня начинает кружиться голова. Я осматриваюсь, отходя от Каро и браня себя за глупую убежденность, что простое лезвие может убить Колдунью из легенды. Мне никогда не везло.

Я не смогу ее убить.

Ина. Мне надо найти Ину.

Стража бросила меня к ногам Каро сразу за воротами дворца. Поэтому я, не оглядываясь, бросаюсь к ближайшему входу в Береговую Гавань, арку, ведущую в узкий коридор, краем глаза замечая, как Колдунья встает.

Каждый шаг отдается дрожью в теле, но я заставляю себя идти вдоль коридора для слуг. Он плавно уходит вправо,

словно отражение внешней стены, а слева, через каменную арку, я вижу кусочек лестницы. Сворачиваю в этом направлении в надежде, что Каро не сразу поймет, пошла ли я вверх или вниз. Без раздумий бросаюсь вверх по лестнице, первый пролет, второй, третий. Вскоре легкие и мышцы начинают гореть, но адреналин и образ Ины перед глазами заставляют меня двигаться вперед.

В отчаянии я пытаюсь вызвать далекие воспоминания о Береговой Гавани, ведь я здесь уже бывала. Я помню это место. Так куда бы отправилась молодая Королева в ожидании коронации?

Пара слабых низких голосов поднимается к сводчатому потолку: на лестнице есть еще кто-то. Гости ли это, стража или слуги, я точно не знаю, но они могут услышать мои тяжелые шаги, поэтому замедляюсь и буквально крадусь по ступенькам. Сердце так громко стучит в ушах, что я едва слышу болтовню слуг в коридоре и шорох шелковых юбок, когда аристократок приглашают войти во дворец.

Мне нужно решить, продолжать ли подъем или пойти вниз по еще одному коридору для слуг. В этот раз я полагаюсь не на собственное скрытое знание, а на обычные воспоминания об Ине в Эверлессе: как она раздражалась из-за стражи у ее покоев и не моргнув глазом врала лакеям Герлингов, которые не пускали ее за ворота.

Если я ее вообще знаю, она захочет побыть в одиночестве. Может быть, в башне, как можно дальше от стражи.

Вверх.

Я заставляю себя забыть про холод от прикосновения к Каро. Иду через узкие коридоры мимо одетых в золотые убранства слуг, которые выглядят такими же измученными, как и я, и едва смотрят на меня.

Никакой стражи. Слабый голос во мне шепчет, что это неправильно: еще одна ловушка – но я не могу остановиться и поразмыслить, боясь, что если загляну через перила, то увижу довольное лицо Каро, уставившееся на меня. Ноги сами несут меня вверх и наконец вниз по коридору, вдоль которого тянутся окна.

Я захожу в просторные покои, подсвеченные лишь несколькими лампами и луной. Через разноцветное стекло вижу мерцающие скаты и шпили крыши Береговой Гавани, а за ними – блеск моря. Внутри комнаты – стопки книг, тряпичные куклы, одежда разбросана повсюду, словно лепестки цветов.

Потом замечаю ее, и сердце замирает от неожиданности.

Ина.

Новая Королева – моя сестра – стоит перед высоким зеркалом спиной ко мне, припудривая лицо. Меня накрывает воспоминание о ночи, когда я зашла в покои прежней Королевы, уверенная, что она Колдунья, и увидела, как она вот так же красится, бледная, словно призрак. Но Ина не старая Королева. Не оболочка, не обреченная.

Пульс участился, но я иду вперед, не отводя взгляда от

Ины. Ее плечи опущены, глаза поблекли, словно каждое движение дается ей с трудом. Моя подруга.

Моя сестра, родившаяся от той же матери в Брайарсму-ре, в день, когда время там раскололось. Девочка, увезенная Королевой и Каро в Береговую Гавань, в то время как меня унес прочь отец. Я внезапно понимаю, что она – единственная родная душа, которая у меня осталась.

Ина ловит в зеркале мой взгляд. Пудреница выскальзывает у нее из рук и бьется о полированный туалетный столик, взрываясь облаком блестящей пыли вокруг нее. Ина резко разворачивается с широко открытыми глазами.

Мгновение мне кажется, что она подбежит и обнимет меня. Я вижу, как этот импульс пробегает по ее открытому, доверчивому лицу, но потом ледяная ненависть вытесняет бы-лое удивление в ее взгляде. Рука Ины дергается к серебря-ному колокольчику, стоящему под зеркалом. Ее пальцы па-рят над ним, готовые вызвать стражу.

– Ина, – я смотрю на нее, разум работает медленно, во рту пересохло, – пожалуйста, просто послушай меня.

Ина двигается медленно, словно ей больно, и, поднимаясь с мягкого кресла, вместе с колокольчиком берет со столика серебряный нож, который я раньше не заметила.

– Каро сказала мне, что тебя поймали. – Ее голос спокой-нее, чем я ожидала, но холоднее, чем самый холодный, тем-ный зимний день, который я когда-либо переживала в Кроф-тоне, даже когда мы с папой почти голодали.

Моя подруга, моя Королева, моя сестра смотрит на меня с ненавистью во взгляде. Но в нем есть и боль, лишь наполовину скрытая под яростью, которую мне тяжело переносить.

– Прости, – шепчу я бессмысленно. Хриплая просьба о милосердии, понимании.

– Почему? – шипит она. – Знаю, у тебя была тяжелая жизнь, Джулс. Я могу понять, за что ты ненавидела мою мать или Герлингов. Но я ничего тебе не сделала. Роан помог тебе. – Ее голос дрожит, но кинжал неподвижен. – Я тебе доверяла.

– Ина, – разбитым голосом говорю я, поднимая ладони вверх, – Ина, я не...

Я собираюсь сказать ей, что не убивала Роана. Но, прежде чем успеваю договорить предложение, перед глазами появляется лицо Аммы. Я вижу, как она обнимает меня в сарае, а потом лежит, мертвая, на обожженном полу мясной лавки в луже крови.

Я убедила Амму верить мне. Та поверила. И все равно ее у меня забрали.

Слова застывают на языке, и это никак не связано с магией.

Ина подходит ближе ко мне, от нее словно исходит холод. Я чувствую, как глаза начинает щипать от слез.

– Я лишь пыталась быть доброй к тебе, а ты разрушила мою жизнь. Каро всегда говорила, что люди будут пользоваться моей добротой. Нужно было ее слушать. – Она оста-

навливается в шаг от меня, с кинжалом в руке. Ее пальцы так крепко сжимают рукоять, что лезвие кажется продолжением ее кисти: одним острым когтем.

Слеза, потом еще одна скатываются по щеке, но я их не вытираю. Я не убивала Роана или ее мать, я не монстр, которым она меня считает, – но это не делает ее слова менее правдивыми. Они погибли из-за меня, оба. И Ина осталась один на один с Каро, которая, скорее всего, с минуты на минуту окажется здесь.

Я проглатываю речь, которую приготовила для Аммы. Будет безопаснее, если Ина поверит в ложь.

Вызванные в памяти образы Каро, Айвана, Герлингов, которые украли все кровавое железо с пояса папы, переполняют меня яростью.

– Твоя мать и Герлинги разрушили мою жизнь, – выплевываю я. Старая злость бурлит во мне, подогревая острыми словами, которые легко слетают с губ. – Они убили моего отца просто за то, что он вошел в Эверлесс. Но только после того, как заставили нас голодать вместе со всей деревней.

Она еще не научилась скрывать свои чувства. Даже сквозь слезы я их узнаю: смущение, злость, шок и снова злость. Каждое бьет как удар, пока я подбираю слова. Даже теперь мне хочется забрать назад то, что я сказала, пытаюсь открыть Ине правду, при этом попытаться защитить ее от Каро.

Но нет ничего, никакой полуправды, которая сохранит ее в безопасности. Я ищу и ищу, но не могу ничего придумать.

– Королева станет проклятием Семперы, сосущим кровь бедных. Чего стоят наши годы тебе? Твоей матери? Герлингам? Я видела, как люди умирают, пока вы с Роаном пировали и сорили кровавым железом, когда мы голодали, – я задыхаюсь, но продолжаю: – Королева заслужила смерть.

Ина звонит в колокольчик.

Громкий, чистый звон пронзает меня. Я слышу шаги, громяющие по коридору. Высокий женский голос прорезается через топот, выкрикивая команды.

Да, я сама сказала ей, что именно я – тот монстр, которого она ожидала, но все равно испытываю шок от предательства, когда она двигается вперед – с еще более смертоносной грацией, чем я замечала за ней в Эверлессе, – и приставляет кончик кинжала к моей груди. Я ловлю ее взгляд в надежде передать ей правду о нас одними лишь глазами, вспоминая молчаливый язык, который Амма с сестрой хранили между собой так же нежно, как секрет.

Губы Ины напряжены. Смушение и осторожность сражаются на ее лице. Между нами висит оглушительное молчание, более звучное, чем поток шагов с другой стороны двери. Я смотрю на нее, по лицу текут слезы, я разрываюсь между тем, чтобы оттолкнуть ее и выдать правду, несмотря на здравый смысл.

Наконец, как раз когда дверь открывается и влетают кричащие стражники – юбки Каро кружатся среди них, – Ина убирает кинжал от моей груди.

А потом кто-то бьет меня в висок — и все вокруг погружается в темноту.

* * *

Когда я прихожу в себя, лицо Каро медленно появляется перед моими глазами: ее резкие черты и зелено-стеклянные глаза, такие же милые, как и ядовитый плющ. Мгновение я представляю, что снова в Эверлессе, валяюсь с ней на кровати после веселой ночи, как в тот день, когда мы все вместе отправились в Лаисту и выпили мадели, чтобы отпраздновать грядущую свадьбу Ины и Роана. И сперва даже чувствую радость и безопасность.

А потом возвращается боль, и с ней — сознание. Обстановка вокруг обретает форму. Сквозь высокие окна видно звездное небо, отражающееся в зеркалах, окружающих нас, так что повсюду только серебро и звезды.

Значит, я все еще в комнате Ины. Но ее нет.

Каро — снова молода и красива, ни намека на то, что я всадила кинжал ей в бок, — сжимает меня в объятиях, одной рукой поддерживает меня полусидя, а другой водит пальцем по моему лбу. Меня пронзает холод. Каро протягивает руку перед собой, замороженно изучая кровь на своих пальцах, ставшую черной в звездном свете.

Затем шепчет слово на непонятном языке — и пламя вспыхивает на кончиках ее пальцев, горя ярко, как свечи, а потом

гаснет, не оставляя ожогов на ее руках. Словно оно питается моей кровью.

Я думаю о том, какой глупой была. Считала, что становлюсь равной ей, учитывая собственное слабое умение контролировать время. Но ее силы вне моего понимания. Судя по дикому блеску в ее глазах, я даже не уверена, что сама Каро их осознает.

– Хватит играть со мной, – шиплю я сквозь туман в голове. – Если собираешься убить меня, убивай.

Каро замирает, а потом наклоняется ко мне.

– Мы уже это проходили, Джулс, – говорит она, и, несмотря на жутковатое выражение лица, ее голос звучит нормально, даже мелодично, как всегда. – Я не причиню тебе вреда, пока не придется.

– Пока ты не сможешь разбить мне сердце, – отвечаю я сквозь зубы.

– Именно. – Ее взгляд останавливается на мне. – А теперь скажи мне...

Внезапно далекий звук музыки прерывает ее слова. Посреди происходящего ужаса он кажется чем-то нереальным, и я не сразу его распознаю. Стены приглушают доносящийся бой барабанов, заставляющий пол едва заметно дрожать.

Каро вздыхает, ее лоб покрывается морщинами от досады.

– Коронация. Боюсь, мне придется тебя на время покинуть, Джулс.

Она запускает руку в платье и достает флакон, полный че-

го-то, похожего на коричневую соль. Прежде чем я успеваю двинуться или подумать, она подносит его к моему носу – и, когда я делаю вдох, некий мерцающий туман пробирается в меня, высасывая остатки сил из моего тела. А потом острая боль возникает посередине головы, словно мой череп раскололи надвое.

Я неспособна сопротивляться, пока Каро опускает меня с колен, и валюсь на пол как тряпичная кукла.

Сквозь пульсирующую боль слышу ее голос, высокий, резкий и уверенный, обращенный к кому-то внизу лестницы. Не могу разобрать, что она говорит, но проходит мгновение, и Каро уходит, ее шаги затихают вдали, а голос сливается с оркестром.

Подходит пара неровных темных силуэтов – я вижу сквозь туман перед глазами, что двое дворцовых стражников осторожно приближаются ко мне.

Я не могу сопротивляться, когда они поднимают меня за руки и грубой веревкой связывают их у меня за спиной. Пытаюсь закричать, но могу лишь выдать непонятные слова. Такое впечатление, что Каро наложила на мой разум заклятие, заблокировав то, чем я могла бы защититься.

Это неважно, обреченно думаю я, ведь кто придет на помощь убийце!

Лицо Лиама возникает перед глазами. Нужно было послушать его и сбежать в Эмбергрис. А теперь наш план разрушен.

Моя бессвязная речь, кажется, придает стражникам уверенности. Вскоре они уже тащат меня к двери, по ступеням, коридору. Какое бы снадобье ни заставила меня вдохнуть Каро, оно сделало мои конечности слабыми и безжизненными. Я лишь могу попытаться запомнить, каким путем мы идем: вниз по каменной лестнице, через коридоры, которые становятся все темнее и уже с каждым шагом, — но в голове звучит непрерывный шепот, который одновременно похож на голос Каро и мой собственный, и он спрашивает: «Какая разница? Зачем пытаться? Ты никогда от нее не сбежишь».

Но даже он затихает, когда стражники заталкивают меня в маленькую камеру, а потом захлопывают дверь у меня за спиной.

В своих снах я превращаюсь в Змею, мои длинные мышцы покрыты блестящей, как изумруды, чешуей. Я проскальзываю сквозь тьму и тени, протягивающие свои длинные пыльцы, чтобы поймать меня. Мимо проносится золото. Стройная фигура, янтарные глаза. Лиса, думаю я, мои мысли становятся лишь вспышками ощущений и чувств. Тела касается ледяной воздух, впереди свет, и Лиса оборачивается. Страх, ужасный страх и шум позади меня, словно завывание сильного ветра или лай собаки: ее челюсти щелкают, и она рычит, следуя за своей добычей по пятам, приближаясь...

Меня будит страх. По крайней мере, мне кажется, что я проснулась: слишком темно, чтобы точно понять. Мой взгляд сосредотачивается на полоске света, пронзающей темноту. Свет исходит из-под двери камеры. Кровь кипит в венах, взбудораженная кошмаром. Этот ужасный вой.

Я приподнимаюсь, пытаюсь стряхнуть сон, снова моргаю, пока глаза привыкают к свету. Должно быть, это темницы в

недрах дворца Семперы – земля подо мной из того же камня цвета слоновой кости, как и все остальное, но он припорошен пылью и грязью. Практически в полной темноте я вижу на полу следы, оставленные узниками. Ноги и руки сводит от боли, когда я пытаюсь сесть.

Здесь тихо, но, если хорошо прислушаться, можно услышать слабые голоса за дверью, увидеть, как расхаживают часовые возле моей камеры.

Время сочится сквозь пальцы словно песок. Я часами смотрю через маленькое отверстие в двери, фокусируя взгляд на прямоугольнике света. Считаю кружащиеся пылинки, то появляющиеся, то исчезающие в тени. Жадно поглощаю каждое слово стражников, доносящееся из-за двери, пытаюсь разобрать их произношение и понять, откуда каждый из них. Что угодно, чтобы привести в порядок мысли после того снадобья, что Каро заставила меня вдохнуть. Что угодно, чтобы не думать о блеске кинжала Колдуньи, ледяном взгляде Ины и том, как ее глаза изменились, когда в них погас свет.

Когда новая тень закрывает луч, падающий на пол камеры, все мое тело в тревоге напрягается.

– Вы оба пропускаете отличный пир там, внизу, – говорит незнакомый женский голос. – Можете отправляться туда, она никуда не уйдет.

– Капитан, – говорит один стражник, его голос хриплый, но нервный, – у нас приказ от леди Каро охранять ее здесь.

– Она опасна, – добавляет другой мужчина и пинает дверь своим сапогом. – Попыталась напасть на Королеву голыми руками. Видел это собственными глазами.

Аккуратно приподнимаясь на локте, я подползаю к двери, чтобы лучше слышать. Чувствую себя какой угодно, но не опасной – хотя снадобье, кажется, теряет силу, и ощущение собственного тела постепенно возвращается ко мне.

Женщина – капитан? – открывает дверь так широко, насколько позволяет цепь, и заглядывает в камеру. Она смотрит на меня критически. А потом ее лицо меняется, глаза расширяются, она что-то бормочет.

Я уставилась на нее в непонимании. Она беззвучно шепчет слова, и я могу прочесть по губам.

Останови время.

Мой разум все еще в тумане, голова болит, но это значит, что я не задумываюсь, почему капитан говорит мне воспользоваться моей магией. Сердце бешено стучит. Скорее прижать ладони к полу и пожелать, чтобы время вокруг меня замедлилось. В тумане я почти представляю его струйки, выползающие из моих рук, проскальзывающие мимо женщины и окружающие двух мужчин. Они замирают, две механические куклы, чей завод закончился.

Хотя я не смогу удерживать их долго, ведь я так слаба. Но мне и не надо. Женщина пересекает коридор и гасит неподвижное пламя факелов. Ее движения точны. Затем она возвращается на место, и я теряю контроль над временем.

Мир ускоряется. Огонь потухает за мгновение.

Опускается темнота, и женщина вполне правдоподобно кричит от ужаса. Затем раздаются два удара, потом еще. Второй стражник как раз успевает коротко и приглушенно закричать, прежде чем и он с громким стуком падает на пол. У меня перехватывает дыхание. Я слышу шипение заново зажженного факела.

Шаги женщины раздаются по каменному полу, и дверь моей камеры открывается.

Я шурюсь от света и вижу стражницу Береговой Гавани: с длинной косой вдоль спины, в той же форме, что и мои захватчики. Я ее не узнаю. Пока женщина стоит, тяжело дыша, кто-то еще появляется из тени в другом конце коридора. Лиам.

Я почти уверена, что это галлюцинация, вызванная зельем Каро, но, когда он спешит в камеру, понимаю, что Лиам настоящий. То, как он двигается, как несколько локонов выбиваются из прически и спадают ему на лицо, кажется вполне реальным. Он выглядит более бледным и худым, чем я его запомнила, но на нем новый зеленый военный жилет с золотыми пуговицами и эполетами. Знак отличия Герлинггов сверкает на его груди. Именно Лиам рассказал мне, что я Алхимик.

Он кивает капитану, которая молча скрывается в коридоре, ее коса – последнее, что исчезает за темным поворотом.

Старый страх – перед Герлингами и особенно Лиамом –

шевелится во мне, когда он пересекает камеру тремя широкими шагами. Я немного отстраняюсь. Я знала, что он может быть здесь, в Береговой Гавани, но одно дело – знать, и совсем другое – видеть, как он стоит здесь прямо сейчас.

Перед глазами все еще туман, но я четко вижу его лицо в свете факела. Безразличие в его взгляде сменяется сперва облегчением, а потом страхом.

– Джулс, – выдыхает он, – ты жива.

Когда я видела Лиам в последний раз, он помог мне бежать из темницы Эверлесса и отправил с инструкциями в Эмбергрис. Он спас мне жизнь, хотя не был обязан. Лиам садится передо мной на корточки и осматривает порванную одежду, кровоточащую рану на голове. От него исходят жар и вместе с тем тревога.

– Ты так и не добралась до Эмбергриса, как мы планировали. Я подумал, может, кровососы...

Я опускаю глаза: вот уж не думала, что он станет волноваться.

– Я в порядке.

Не поддаваться эмоциям.

Была причина, по которой я сбежала из Эверлесса, не сказав ничего, кроме «спасибо». Я почти не знаю Лиам, но едва знала и Роана, а Каро все равно его убила. Чересчур многое произошло между мной и Лиамом в тот короткий период, когда мы стали союзниками. Эта тишина кажется тяжелой, опасной.

Не желая показаться слабой, я опираюсь на стену в поисках поддержки и пытаюсь встать. Лиам протягивает руку, чтобы прикоснуться ко мне, но я непроизвольно отшатываюсь. Если Каро узнает, что он мне помогает...

– Ты не должен быть здесь.

На мгновение на его лице мелькает обида.

– Ну, тогда это касается нас обоих. Еще больше причин выбираться. – Он берет меня за руку и помогает встать, потом развязывает путы на моих запястьях. – Что случилось? Каро навредила тебе?

Наши взгляды встречаются. Знаю, что он имеет в виду рану на моем виске, но это лишь малая толика того, что сделала Каро.

– Она сожгла Крофтон, – говорю я. Горло снова сжимается, когда я об этом думаю: крики, дым, ненависть оставшихся людей, тело Аммы.

Лиам бледнеет.

– Сожгла? Что ты имеешь в виду?

– Сожгла, – моя кровь бурлит. – Ты не слышал? Герлингов там не было.

От стыда он прячет взгляд, но его голос звучит резко.

– Я не занимался интересами Герлингов и ни о чем не думал, кроме тебя, твоей безопасности, – быстро добавляет он.

– Там был Айван, – шепчу я пересохшими губами. – Ничего не осталось.

Лиам замирает, держа в руках мои запястья. Тяжкий вздох вырывается из его груди. Потом он собирается с силами, и мои путы падают на пол. Он проверяет коридор за дверью и, беря меня под руку, показывает следовать за ним.

— У нас был план, — говорит он низким отрывистым голосом.

— У *тебя* был план, — сопротивляюсь я, словно чувствуя взгляд Каро, обращенный на меня из какого-то невидимого убежища. Слова звучат громче, чем я хотела бы, раздражение поднимается в груди и выталкивает их из моих уст. Даже после произошедшего его назойливость все еще раздражает меня.

Лиам помогает мне выйти из камеры в плохо освещенный узкий коридор, крепко держа меня за руку.

— Теперь это неважно. Нам нужно уходить.

Я прислоняюсь к двери, пока он оттаскивает двух стражников в камеру, поднимая на ходу ключи и закрывая дверь. Хоть он и контролирует свою мимику, я вижу еще одну вспышку эмоций на его лице, словно блеск монеты на дне колодца. Страх за меня. Он исчезает мгновенно, но из-за него у меня внутри все переворачивается.

Лиам снимает масляную лампу со стены и несет ее, освещая нам путь.

— По крайней мере, скажи мне, что Каро тебя не видела. Мое молчание — уже ответ.

В голосе Лиамы звучит резкость.

– Джулс, Крофтон, скорее всего, был ловушкой для тебя.
Во мне вспыхивает злость.

– Я это поняла.

– Она знает тебя...

– Она знает Алхимика, – шиплю я, хотя от этой правды мурашки бегут по коже. Каро устроила ловушку, зная, что я приду, если Крофтон окажется в опасности. Всего пару часов назад с ножом, направленным на меня, она дразнила меня за мою сентиментальность. Но я все равно говорю:

– Каро не знает меня.

Кошмар из камеры вспыхивает в моей голове, фрагменты прошлого, засевающие где-то глубоко: магия крови, слабость и сила, Лиса и Змея...

– Что такое? – мягко спрашивает Лиам.

Я и не заметила, как замедлила шаг, поэтому снова уско-
ряюсь.

– Ко мне начинают возвращаться воспоминания. Других... жизней. – Я стараюсь казаться безразличной. Правда все еще выглядит неестественной, какой-то неправильной. – Откуда ты узнал, что я здесь?

– Нашел это на территории дворца. – Пока мы спешим по жутко тихим коридорам, он достает что-то из кармана плаща и передает мне. Мой журнал.

– Не стоило это носить с собой, – говорю я дрожащим голосом. – Кто-нибудь мог увидеть тебя с ним и понять, что ты мне помогаешь.

– Подумай, Джулс, – говорит Лиам, опуская журнал обратно в нагрудный карман куртки. Он замедляет шаг, открывая дверь справа от нас. Мы проскальзываем в еще один тихий коридор, вдоль которого на большом расстоянии друг от друга находятся двери. Жилые комнаты. В любой момент одна из этих дверей может распахнуться, и тогда мы пропадим. Остается лишь молиться, что все гости празднуют внизу. – Есть еще одна причина, по которой я могу тебя искать. История гласит, что ты убила моего брата. Никто не считает нас союзниками.

По спине пробегает холодок, когда до меня доходит значение его слов. Каро и Айван думают, что Лиам хочет мне навредить. Небезосновательно. Он должен ненавидеть меня. Я не убивала Роана, но он был бы жив, если бы не я и моя детская влюбленность.

Лиам молчит, пока мы не добираемся до верхнего уровня, отделанного серебряным и голубым плюшем. На стенах гобелены, изображающие историю Семперы. Я плетусь за Лиамом, а мимо меня проходит жизнь Королевы: искусно сплетенные сцены битв с лужами блестящей крови, которые в приглушенном свете выглядят совсем уж нереальными.

Фигура на одной из картин привлекает мое внимание. Мужчина средних лет сидит на черном коне и держит зелено-золотой флаг, пока вокруг него бушует битва. Серебристый пес гордо стоит у его ног. Мужчина достаточно неприметен, не считая выражения его лица: даже в миниатюре он

выглядит скучающим.

Я останавливаюсь и машинально подношу руку к гобелену. Но внезапно далекий смех женщины возвращает меня к реальности, и я спешу за Лиамом.

Ближе к концу коридора он достает ключ и толкает меня за синюю дверь. Мы проскальзываем внутрь, и я наконец вздыхаю от облегчения.

Это комната аристократки, с разбросанными платьями и побрякушками, свидетельствующими, что кто-то провел часы за примеркой одежды, которую потом бездумно отверг. Я чуть не наступаю на жемчужное ожерелье, лежащее на полу. Чувствую злость на безумную роскошь, но не такую сильную, как когда-то: голова все еще как в тумане.

На негнущихся, ватных ногах падаю в мягкое кресло, а Лиам подходит к шкафу в дальнем конце комнаты. Сквозь открытые створки я вижу бархат и шелк, заполнившие его.

Теперь, немного расслабившись, начинаю ощущать всю опасность ситуации, в которой мы оказались.

– Зачем так рисковать, Лиам? – тихо спрашиваю я, пока он роется в одежде.

На ответ у него уходит секунда.

– Судьба Семперы связана с твоей. – Лиам даже не оборачивается. Я помню, что он сказал, когда вывел меня из Эверлесса, открыв мне тайну, что я – Алхимик, пытаюсь убедить меня сбежать.

Если ты умрешь, мы все потеряны.

Меня словно плащ накрывает дрожь, когда я вспоминаю голос Каро, описывающий, как она сломает меня, а потом вселится в мое тело, как сделала и с Королевой, присвоив себе мою магию, чтобы заставить мир подчиниться ее воле. Я гоню эту мысль и почти испытываю благодарность, когда Лиам поворачивается, держа в руках облако кружев и бархата.

– Что это? – спрашиваю, почти смеясь.

Лиам пересекает комнату, останавливается передо мной и кладет платье на приставной стол.

– Береговая Гавань будет в повышенной степени готовности, пока ты здесь, – говорит он. – Вскоре они узнают, что стражу оглушили. Хотя Ина с Каро будут заняты коронацией, остальные станут всюду искать тебя. Но они точно не ожидают, что ты скроешься у них под самым носом, среди гостей. Это наш лучший шанс на спасение.

– Коронация Ины, – эхом повторяю я.

Даже после встречи с ней это странная мысль: Ина – моя подруга, сестра – новая Королева Семперы. Потом до меня доходит смысл и остальных слов Лиамы, и я фыркаю.

– Думаешь, раз я буду в платье, Ина меня не узнает.

Лиам поднимает что-то темное и дымчатое, лежащее сверху груды ткани. Вуаль.

– Все женщины носят такие, – тихо говорит он, и в его голосе слышатся эмоции, которые я не могу понять. – Знак уважения несостоявшейся свадьбе.

Свадьбе Роана. Я сглатываю внезапный комок в горле.

– Если нас раскроют, ты не сможешь это объяснить.

– Думаешь, я не понимаю? – Лиам раздражен. – Я знаю, что умру, если что-то пойдет не так. Вот почему тебе нужно мне довериться. – Он снова поднимает платье и бросает его мне на колени, избегая моего взгляда. – Приготовься, чтобы мы могли выбраться отсюда и отвезти тебя в Эмбергрис.

Я опускаю руку в холод ткани, но не спешу надевать платье.

– Ты должен уйти, прежде чем нас поймают.

Пытаюсь воскресить свое старое отношение к Лиаму, память о днях в Эверлессе, когда я видела в нем врага: его осанка идеальна, лицо каменное, глаза холодные. Старый Лиам Герлинг, внушающий страх, неуязвимый, доспехи из плоти и костей, эгоистичный и жестокий.

Это почти срывает, пока он не отвечает:

– Опасность меня не волнует.

– Не говори так, – огрызаюсь я, глядя куда-то ему за плечо.

Он стоит совсем близко ко мне: протяни руку – и дотронешься. Но я этого не делаю. Не могу. Мне нужно его оттолкнуть, как и Ину. Только так он будет в безопасности.

Слова льются с моих губ словно горячий яд.

– Я просто... не хочу больше крови на своих руках, даже твоей.

– Нет, – тихо говорит Лиам. – Думаю, нет.

На грудь словно камень опустился. Я натягиваю рукава и

крепко сжимаю кулаки, стараясь причинить себе боль ногтями, впивающимися в ладони.

– Я годами ненавидела тебя. Боялась. Можешь понять, почему мне сложно поверить тебе теперь?

Лиам всматривается в мои глаза, словно в них ответ. Но я стараюсь выглядеть безразличной.

Наконец он произносит:

– Мы больше не дети. Люби меня или ненавидь, у нас теперь общий враг.

Я обнимаю себя руками, чтобы остановить видимую дрожь. Надеюсь, Лиам ошибочно примет ее за злость.

– Это все, что у нас есть.

Я беру одежду, которую он выбрал для меня, и, не оглядываясь, гордо иду в ванную, хотя мне очень хочется посмотреть на него. По пути не забываю прихватить тонкий кинжал в ножнах с одного из шкафчиков.

Не мясницкий нож Аммы, но лучше, чем ничего.

* * *

Пока я отмываю лицо и руки и снимаю дорожную одежду, Лиам по другую сторону двери дает мне четкие инструкции. После коронации Ины – при мысли об этом дрожь бежит по всему телу – все соберутся в восточном бальном зале, чтобы отпраздновать. Балкон оттуда выходит на бухту, с него спускается лестница, ведущая на пляж. Мы пройдем через

зал, спустимся с балкона прямо на пляж, куда его друг Элиас, еще один гость коронации, пригонит лодку, чтобы увезти нас прочь.

Пока закалываю волосы и надеваю платье, мне хочется спросить, серьезно ли он считает, что это сработает, и собирается ли сбежать вместе со мной, оставив позади притворную верность и мнимую безопасность.

Но вместо этого опускаю вуаль на лицо, и теперь мир накрыт прозрачным узором серой тафты. Смотрю на себя в зеркало: согласно легенде, я кузина Элиаса из Коннемора.

Платье сидит идеально. Оно бархатное, цвета темно-синего ночного неба в разгар лета, с созвездиями белого кружева на локтях и ключицах. Вырез на спине открывает лопатки. Лицо скрыто под вуалью, а нож привязан к икре ремнем для путешествий, так что я вполне могу сойти за гостью коронации. Пока никто не станет всматриваться, что под вуалью.

Лиам как раз на середине описания, как лучше покидать балльный зал. Но, когда я выхожу из умывальни, слова замирают. Он смотрит на меня во все глаза, словно собираясь что-то сказать. Ловлю себя на мысли, что сейчас мне ничего так не хочется, как чтобы это все оказалось настоящим. Чтобы я действительно стала желанной гостьей на коронации сестры, вошла в балльный зал под руку с тем, кто смотрит на меня так, как сейчас Лиам, танцевала с ним без необходимости скрывать лицо.

Но я никогда не принадлежала к тому миру. И даже сейчас

удивленное выражение лица Лиама становится холодным и нейтральным. Может, он и мой союзник, но не более. Я не могу предоставить Каро еще инструменты, чтобы разбить мне сердце. Она уже и так достаточно забрала.

Я сглатываю и прохожу мимо него. Лиам следует за мной, а я спешу на звуки музыки, доносящиеся снизу.

Когда мы добираемся до бального зала, все мои страхи и злость улетучиваются и мгновенно превращаются в восхищение.

Пол и стены из того же бледного камня, что и остальная часть замка, и через него бегут светящиеся серебряные и черные прожилки. Потолок – купол из стекла, пропускающий сверкающий водопад красного, оранжевого и фиолетового: солнце садится над океаном. Солнечный свет течет золотым потоком по стенам и полу, из-за чего люди, кружащиеся в танце, – их так много, точно больше двух сотен – словно плывут, даже через прозрачный серый туман моей вуали. Я забываюсь и крепче сжимаю руку Лиама.

Но чувствую его напряжение, напоминающее мне, что, несмотря на улыбку, он боится и мы в опасности. Он крепко берет меня под локоть и тянет вниз по лестнице, к толпе. Подол платья скользит по полу, кинжал под юбкой кажется тяжелым в своих ножнах.

В передней части зала мраморный пол поднимается широкой лестницей, и там, над ступеньками, выстроился оркестр. Я ничего подобного раньше не видела: десятки музыкантов создают мелодию на виолончелях, флейтах, барабанах и инструментах, которые я даже не могу назвать. Одна длинная флейта кажется сделанной из человеческой кости. Мелодия красивая, но не может успокоить мою дрожь. Пока мы продвигаемся вперед, музыка оборачивается вокруг меня как что-то осязаемое, язык, на котором я не говорю, но который все равно манит меня непонятным образом.

Над оркестром стоит пустой трон, вырезанный из блестящего темного дерева.

На полпути по лестнице Лиам останавливается, поворачивается ко мне и наклоняется ближе, чтобы прошептать что-то на ухо. Я пытаюсь не дрожать.

– Двери. Вон там. Видишь?

Я слежу за его взглядом и вижу стеклянные двери в другом конце комнаты, распахнутые и открывающие вид на роскошный сад, из-за которых доносится слабый шум разбивающихся волн. Они кажутся очень далекими, учитывая море людей, танцующих между нами, и шансом на спасение. Я киваю.

Лиам напряженно улыбается проходящей мимо паре.

– Они ведут на балкон.

Спускаясь по лестнице, я ожидаю, что вся толпа резко повернется ко мне, узнает меня, несмотря на вуаль, жду, что

вот-вот услышу крики «убийца».

Но ничего не происходит. Люди в военной форме, как у Лиамы, или пышных платьях и вуалях двигаются парами в сложном рисунке и не смотрят на меня. Они поглощены друг другом. Несколько взглядов все же скользит по мне, и сердце начинает бешено стучать – пока я не вспоминаю о ядовитых сплетнях, гулявших по Эверлессу, о различных богатых партиях, которые леди Верисса подбирала Лиаму, только лишь затем, чтобы он их отверг. Девушка рядом с ним привлечет внимание, но с этим ничего не поделаешь.

Компания людей с бокалами вина в руках подходит ближе, обсуждая меню банкетного стола. Один из них, мужчина в темно-фиолетовом пиджаке, отходит от группы и идет к нам, его взгляд прикован к Лиаму. Внутри все переворачивается, когда я узнаю лорда Ренальди с первой вечеринки-ужина в Эверлессе. Это он угрожал забрать год крови Беи за то, что она пролила на него вино, прежде чем Роан рассеял напряжение своим шармом.

– Мы живем в удивительные времена, – говорит он излишне громко, плохо проговаривая слова. – Наша первая смена власти за пять столетий – и в качестве Королевы мы получаем худенькую девчонку. – Он ухмыляется Лиаму и хлопает его по руке, дрожа от смеха.

Я напрягаюсь. Может, Ина мне и не верит, но мне больно слышать, что о ней такое говорят, поэтому держусь из последних сил, чтобы не вырвать напиток из рук аристократа

и не выплеснуть ему в лицо за этот тон.

– Разве не так, лорд Герлинг?

Лиам улыбается. Его глаза – чистый лед, но, полагаю, Ренальди слишком пьян, чтобы это заметить.

– Посмотрим, – отвечает он, кивает, заканчивая разговор, и отходит от Ренальди, все еще направляя меня, слегка придерживая за рукав.

К потолку возносится залиvistый смех. Компания идет прочь. Когда Лиам переводит на меня взгляд, я понимаю, что мои кулаки сжаты, а ногти впились в ладони. «Ты тоже сомневаешься в Ине?» – хочется спросить мне, но сейчас не время и не место.

– Как я и сказал, никто тебя не заметит, – бормочет Лиам. Он кладет руку мне на талию. Со стороны непонятно, но его прикосновение легкое и ничего не значащее, улыбка пустая, формальная.

Группка людей вертится у подножия лестницы, и все спускающиеся останавливаются и присоединяются к ним. Лиам ведет нас в их направлении, а я наклоняю голову, пытаюсь увидеть, кто стоит посередине. И тут во рту пересыхает.

Ростовщица времени средних лет, одетая так же красиво, как и все здесь, в зеленый костюм с золотой окантовкой, сидит за маленьким столом с блестящими инструментами перед ней. Они меньше и чище, чем инструменты Дуада из Крофтона или Вика, ростовщика времени, который забрал десять лет моей жизни в Лаисте, но все же острые, угрожа-

ющие.

И здесь меня накрывает странное, непонятное чувство. Что-то не так, потому что люди подходят к ней один за другим, улыбаясь и болтая, охотно протягивая руки. В Крофтоне очередь перед лавкой Дуада состояла сплошь из отчаявшихся бедняков: понуро опущенные головы, тихие голоса умоляют Колдунью благословить их лишним часом-другим. Когда я отправилась к Вику в Лаисте, он сперва забирал каплю крови у каждого пришедшего, чтобы проверить оставшееся тому время, сыпал ее специальным порошком и поджигал, а потом осторожно отсчитывал секунды жизни пламени, чтобы убедиться, что не заберет больше нужного и не убьет клиента. Ростовщица времени в зеленом ничего не отмеряет. Все здесь могут пожертвовать годы, даже десятилетия, если именно это она забирает.

Парочка отходит от стола и проходит мимо нас. Я слышу, как женщина говорит:

– Дорогой, осторожнее: испачкаешь мое платье в крови!

– Что это? – Мой шепот излишне напряженный. Злость из-за несправедливости бурлит во мне.

Взгляд Лиамы бросается из стороны в сторону. Он видит то же, что и я: эта очередь преграждает нам путь к побегу. Что бы это ни было, нам нужно через нее пройти.

– Десятина для Ины, – бормочет он, беря меня за руку и подтягивая ближе. – Все должны предложить год собственной крови. Это вроде как некий дар. Прости, я не понял...

К горлу подступает ком. Год. И этим людям даже все равно; они смеются и улыбаются, закатывая рукава, обнажая руки и ладони, словно это какой-то пустяк. Их плоть гладкая, без отметин. Никаких следов, что раньше у них забирали кровь.

Для них действительно год – ничто. Им никогда не приходилось жертвовать даже днем.

Когда сребровласый джентльмен отходит от стола, я наблюдаю, как ростовщица времени закрывает флакон с его кровью и кладет на бархатную подушечку рядом с десятками других. Мужчина больше переживает из-за своей одежды, вытирая каплю крови узорчатым платком.

Так много крови красиво мерцает во флаконах, словно скопление драгоценных камней. Мужчина позади меня ловит мой взгляд и вскидывает бровь.

– В очереди?

Лиам отвечает за меня.

– Да, – он ставит меня рядом с собой и тихо говорит: – Все нормально. Я отдам еще один год за тебя...

– Дело не в этом, – заикаясь, отвечаю я. – Просто... не думаю, что мое время можно поглотить. Оно навредило Каро, когда она пыталась выпить его впервые в Эверлессе. Думаешь, оно и Ине навредит?

Слова заканчиваются, когда еще один страх, похуже, охватывает меня. Что если моя кровь снова попадет в руки Каро? Какую темную магию она тогда создаст?

Даже сквозь вуаль я вижу, как шок, а потом сомнение проскальзывают по лицу Лиамы. За годы изучений он не узнал ничего подобного о моей крови.

От моего признания Лиям словно молодеет, и вот уже мы просто мальчик, которому, несмотря на весь его ум и образование, всего лишь девятнадцать, и девушка, у которой столетия воспоминаний, знаний и магии, доступа к чему она не имеет.

Очередь двигается. Теперь черед Лиама. Он нежно сжимает мою руку и делает шаг вперед, заставляя меня замереть на месте. Голова кружится от новой информации. Темная десятина. Предложение Лиама отдать год жизни за меня. Животный страх, что Каро снова получит мою кровь, сделав меня соучастницей устроенного ею хаоса.

Я вижу, как лезвие вскрывает плоть Лиама, и перед глазами все плывет. Это лишь его ладонь, только ладонь. Я отворачиваюсь, чтобы не видеть, как течет кровь.

Когда все заканчивается, Лиям смотрит на меня и, извиняясь, улыбается ростовщице времени, перевязывающей его руку.

– Надеюсь, вы простите мою любимую, – его слова полны очарования. – Она не в силах переносить вид крови.

– Ой да ладно. – В голосе ростовщицы времени слышится тот же легкий аристократический шарм, к которому примешивается что-то резкое. – Она может закрыть глаза или вы держите ее за руку.

Она повышает голос, обращаясь ко мне, и мне не нравится ее пронзительный взгляд.

– Уверена, миледи, – говорит она с опасным подтекстом в голосе, – вы не хотите упустить такую честь, чтобы ваша кровь бежала по венам Королевы. Еще я слышала, что она собиралась создать украшение из кровавого железа для своей короны.

Внутри у меня все опускается, а люди вокруг начинают поворачивать головы, с любопытством вытягивая шеи. Их внимание, как угрожающий ветерок, готово сорвать с меня вуаль и открыть лицо убийцы всему бальному залу.

Хотя мои ноги налились свинцом от страха, я делаю шаг вперед.

– Конечно, нет, – покорно шепчу я, закатывая рукав. Лиам обнимает меня, и, несмотря на мое предыдущее нежелание, сейчас его прикосновения мне просто необходимы. Когда лезвие ростовщицы времени разрезает кожу на моей ладони, Лиам наклоняется, делая вид, что целует меня в висок, чтобы подбодрить. Вместо этого Лиам шепчет мне на ухо:

– Все будет хорошо.

Пока ростовщица времени тянется к бинту, комната затихает и все оборачиваются к трону. Женщина отпускает мою руку и сгибается в низком поклоне, когда дверь в стене за тронном открывается, и заходят две девушки в пышных одеяниях.

Каро. И только что провозглашенная Королева Семперы

Ина Голд.

Меня наполняет страх: вуаль кажется слабой защитой, когда Каро в комнате, – но я не могу оторвать взгляд от Ины. На ней тоже вуаль, но прозрачная, вышитая маленькими блестящими слезинками, и все они сделаны из кровавого железа. Я не только вижу ее лицо, но даже на таком расстоянии мне кажется, что оно будто светится. Одежда Ины ниспадает, как черный водопад, на ступени.

Корона блестит в темных волосах – острые красно-золотые кончики тоже сделаны из кровавого железа, отчего кажется, будто она испачкана в крови. Ина подплывает к резному дубовому трону и на мгновение замирает, прежде чем изящно сесть – она держится как самая настоящая Королева. Люди вокруг забывают про разговоры и направляются к возвышению, толпа собирается возле Ины, лорды и леди выстраиваются, чтобы поцеловать ей руку и сказать слова, которые я не могу разобрать.

Прикосновение Лиама к моей щеке через тонкую паутину

вуали заставляет меня вздрогнуть. Шелковый бинт торчит из-под его рукава. Его рука намного теплее моей. Не знаю, почему это меня удивляет.

Он разворачивает меня к себе и улыбается, но я вижу напряжение в его глазах, чувствую его в бешеном пульсе. Лиам ведет меня подальше от ростовщицы времени, которую тоже так привлекло грандиозное появление новой Королевы, что она и не заметила, как я сбежала из очереди.

Мне хочется протиснуться через толпу и побежать к трону Ины, выкрикивая все, чего я не могла сказать еще пару часов назад. Что я ее союзник, что она не может доверять Каро, что служанка станет контролировать ее так же, как контролировала Королеву. Что мы с ней родились в городе под названием Брайарсмур, а имя нашей матери – Наоми.

Но вместо этого я повторяю действия всех других пар в зале: кладу руку на плечо Лиамы и позволяю ему притянуть меня ближе. Он устраивает левую руку на моей талии, пальцы наших правых рук переплетаются. По напряженному выражению его лица я понимаю, что Лиям боится.

Я оглядываюсь по сторонам, ожидая, что кто-нибудь вот-вот заметит, что я не знаю правильных движений, и признает во мне самозванку. И с ужасом чувствую присутствие Каро в комнате, таящее в себе некую темную угрозу. Но Лиям ловит мой взгляд и качает головой. Он наклоняется, чтобы прошептать мне на ухо, и его темные кудри касаются моей щеки. По мне пробегает холодок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.